

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

У зла нет власти

Ключ от королевства

Марина и Сергей Дяченко

У зла нет власти

«Автор»

2008

Дяченко М.

У зла нет власти / М. Дяченко — «Автор», 2008 — (Ключ от королевства)

У зла нет власти – даже если кажется, что все пропало и зло торжествует. Королевство осаждает Саранча – кочевники верхом на чудовищах; некромант восходит на черный трон, и у Лены Лапиной есть всего три дня, чтобы предотвратить катастрофу. Новый роман Марины и Сергея Дяченко, продолжающий уже известную читателю книгу «Маг дороги», завершает трилогию «Ключ от королевства», являясь тем не менее самостоятельной книгой.

© Дяченко М., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1

Король звонил на прошлой неделе

Я сидела на деревянных мостках, опустив ноги в воду по косточки. Казалось, я обута в эту речку – на ногах прохладные туфли из текучей воды. И если встану – смогу пройти по гладкой поверхности, выбраться на другой берег, где жуют траву три коровы, одна черно-белая и две рыжие с пятнами.

Был август. Над водой висели стрекозы, каждая над своим неподвижным отражением. Я сидела на разошедшихся деревянных мостках в маленьком пятнышке тени, и это пятнышко понемногу сдвигалось, отступало от воды. Скоро я окажусь на солнце, а это жара, жара...

Уже десять дней я в лагере. Ничего особенного, деревянные домики в редком лесу, до реки топать минут двадцать. Никто нас особенно не развлекает, но и не воспитывает тоже. Сколько угодно можно сидеть на берегу, валяться на траве, бултыхаться в мелкой речке, глядя на коров и стрекоз, смотреть старые фильмы на кассетах, болтать ногами по вечерам на скамейке, скучать, пока девчонки пересказывают сплетни...

Первые дни мне нравилось – после целого лета в пыльном городе. Рядом был Макс Овчинин: он три недели провел на море, вернулся загорелый и веселый, очень довольный собой, потому что в последний день решился и прыгнул с какой-то там скалы. Эта скала в его рассказах становилась все выше, в конце концов получилось, что Овчинин чуть ли не с Ай-Петри сиганул.

Мне скоро надоело его слушать. Да и у него нашлись какие-то новые друзья, какие-то старшие парни, с которыми они вместе ловили рыбу и ходили в поселок, в магазин, за пивом. Я пива терпеть не могу. Овчинин тоже его не любит. Какую только гадость не станешь в себя вливать, только бы понравиться взрослым друзьям...

Я поболтала ногами в воде, и мои речные ботинки превратились в стаю пузырьков. Он хороший парень, нет между нами никаких обид... А если есть – то по моей вине, я совсем не сахар.

Девчонки загорали на берегу, на расстеленном одеяле. Дальше по течению, в воде по колено, серьезный малыш лет двенадцати ловил рыбу, и за его спиной сидели бок о бок две полосатые кошки, неотличимые, как отражения. Солнце припекало; скоро придется убираться с берега обратно в лагерь. Я улеглась на разошедшееся дерево мостков и надвинула кепку на глаза.

Я маг дороги. С каждым днем это мое знание становится все бледнее, все призрачнее. Скоро я сама поверю, что все мои приключения – выдуманные, пережитые во сне или в мечтах.

За последние несколько месяцев я выросла из всей своей старой одежды. И мне порой кажется, что я из Королевства вырастаю тоже. Я до сих пор помню каждое свое приключение – подробно, но отстраненно, будто я сама прочитала об этом, а не пережила.

Муха села мне на нос. Я отмахнулась, она для приличия взлетела и тут же защекотала лапками щеку. Я попыталась поймать ее в кулак: ее и след простыл. Мухи безмозглые, но прекрасно чувствуют, когда от них просто отмахиваются или когда всерьез примериваются схватить.

Я снова улеглась на доски. У коровы на том берегу позванивал колокольчик – глуховато, сонно. Коровам дан хвост, чтобы отмахиваться от мух...

Трудно представить, что мое Королевство так же реально, как эти коровы, как вода, как жесткий козырек у меня на глазах. Трудно представить...

Наверное, я задремала.

– Лапина!

Очень громкий голос, взволнованный, резкий. Я села, стягивая с головы кепку. Прямо передо мной стояли тяжелые ботинки, из них возвышался в небо охранник – знакомый, из лагеря. Секьюрити в лагере было два, они дежурили по очереди и были уже довольно старые, толстые. К счастью, никто на нашу безопасность не покушался.

– Лапина! Ты слышишь?!

Я поднялась.

Охранник был очень красный. Всклокоченный – бежал под солнцем всю дорогу от лагеря, это с его-то одышкой! И смотрел он на меня как-то странно. Нехорошо смотрел.

– Там тебя... спрашивают. Быстро к начальнику лагеря. Быстро!

Что-то случилось дома?!

Мама дала мне с собой мобилку, вчера вечером мы разговаривали, и все было в порядке. А утром, собираясь на пляж, я выключила телефон и оставила у директора в сейфе – мы все так делали, у нас ведь на домиках замки совсем смешные...

– Что такое?

– Ничего не знаю. Быстро!

Девчонки, приподнявшись на локтях, глазели на меня с любопытством. Мальчишка-рыболов выдернул из воды крошечную тюльку, она блеснула на солнце...

Я сунула мокрые ноги в спортивные тапочки. Под пятку подвернулся камушек, кольнул, будто иголкой. Я зашипела сквозь зубы и, прихрамывая, на ходу переобуваясь, припустила по тропинке прочь от берега, к лагерю.

Возле административного корпуса стояла машина, синий «Опель». У скамейки топтался Макс Овчинин с белым пластиковым кулком в руках, но мне было не до Овчинина; я взбежала по бетонным ступенькам крыльца. Начальник лагеря был пенсионер, не очень старый, раньше работал прорабом. К нам он очень неплохо относился, с юмором во всяком случае. Но сейчас я его не узнала.

Он стоял посреди своего маленького кабинета – остатки волос дыбом, лицо бледное, губы крепко сжаты. Когда я вбежала в распахнутую дверь – без стука, надо сказать, в мятых шортах, тапочки и ноги по колено в пыли, – он уставился на меня, будто впервые видел. Будто только что узнал про меня, что я не девочка, а оборотень-террорист.

– Здравсьте, Игорь Борисыч... Что случилось?

– Вот она, – сказал начальник очень холодно, и вовсе не мне.

Тогда только я заметила, что у окна, в кресле, сидит еще один человек – против света, так что я видела только его силуэт. Гладко причесанные волосы. Плотные прилегающие к голове уши. Очень прямая осанка – как у военных в старом кино.

– Вот Лапина Елена. Я так понимаю, необходимо присутствие родителей? Адвоката? Как-то так, если по закону?

У начальника дрожал голос. То казалось, что он в ярости. То – наоборот, что он очень испуган и с трудом прячет страх.

– Адвоката? – переспросила я тупо. – Что случилось? Моя мама звонила?

– Да что ты строишь дурочку! – вдруг взорвался начальник, таким раздраженным я его никогда еще не видела. – Не понимаешь, да? Взяли твою поделницу, с которой ты квартиры чистила! Она на тебя навела, при обыске все нашли!

– При обыске?

Я поняла, что схожу с ума. Наверное, перегрелась на солнце. Валяюсь сейчас на берегу, вокруг хлопочут перепуганные девчонки... А я потеряла сознание как раз в тот момент, когда мне померещилось, что меня окликнул охранник...

– К нам приехал оперуполномоченный по делам несовершеннолетних, – глухо сказал начальник. – Вот, с ним разбирайся.

Я посмотрела на темный силуэт напротив окна. Мужчина был в штатском. Я по-прежнему не могла разглядеть его лица.

– Так что, звонить родителям? – все так же глухо спросил начальник.

– Сперва мы побеседуем с гражданкой Лапиной, – сказал мужчина у окна. – Есть у вас свободное помещение?

* * *

Библиотека в такой час пустовала. Было очень жарко и пахло книгами. Форточка с треснувшим стеклом едва цедила свежий воздух.

– Спасибо, – сказал оперуполномоченный начальнику. – Можете идти.

Тот помялся и вышел, прикрыв за собой дверь. Я посмотрела наконец-то в лицо этому самому оперу.

Он был очень бледный. С очень светлыми волосами. С черными, необычно черными глазами на узком лице. В черном костюме и черной рубашке, перехваченной у шеи черным галстуком.

Он был молодой. Странно молодой для опера, пусть даже и по делам несовершеннолетних. Но одежда, повадки, манера смотреть делали его старше. А держался он так, будто у него двести лет рабочего стажа.

И он был мне знаком.

Минуту мы смотрели друг на друга. Я знала его, я его раньше видела... При каких-то не очень приятных обстоятельствах...

– Ты не изменилась. Это хорошо.

Я нащупала стул и села.

Прошло четыре месяца со времени моего последнего визита в Королевство. Там время идет быстрее.

– Сколько тебе лет?!

– Маги вне возраста, Лена. Не мучай себя подсчетами.

– Максимилиан, – простонала я.

Это был он – мальчишка-маг, некромант, которого я несколько раз спасла от смерти. Который и меня когда-то спас, но перед этим – предал, бросил на верную гибель, даже не поморщившись. Вот уж такого гонца из Королевства мне никогда не хотелось бы здесь видеть.

Он ухмыльнулся уголками тонкого рта.

– Что, не рада?

– Нет!

– Зря. Потому что ты – опасная несовершеннолетняя преступница, и твоя судьба в моих руках.

– Ври, да не завирайся, некромант.

– Ты как разговариваешь со старшими? – Он ухмыльнулся шире, блеснул белыми острыми зубами.

Я сжала кулаки. В прошлую нашу встречу он был чуть младше меня, но уже тогда смертельно опасный. Чего от него ждать теперь, да еще здесь, в моем обыденном мире – я понятия не имела.

– «Оперуполномоченный по делам несовершеннолетних»... – я говорила нарочито медленно, выкраивая себе время на размышление. – Такая должность в природе существует? Ты уверен?

– Главное, чтобы они, – Максимилиан кивнул на дверь, – были уверены. А я умею убеждать, – и он снова ухмыльнулся.

Я набрала в грудь воздуха – и не нашлась, что ответить. Слишком внезапно свалилось несчастье, еще полчаса назад я мирно дремала у речки... Что некромант может мне сделать? Как мне защищаться?

Как он сюда попал?!

Только опытный, могущественный маг может ходить между мирами. Помнится, у Гарольда, моего друга, были с этим проблемы... «Только в свой мир всегда легко возвра-

щаться», – так говорил Оберон. Король Оберон! Вот у кого есть управа на Максимилиана. Вот кого должен бояться самозванный опер!

– Его величество не предупредил, что ты явишься, – сказала я небрежно. – Что ему передать?

У него что-то изменилось в глазах. Мне на секунду показалось, что имя Оберона отрезвило некроманта, и теперь он не посмеет больше надо мной издеваться. Как бы не так; Максимилиан задрал подбородок:

– Не предупредил? Еще бы. Его величество ничего тебе не сообщает о делах в Королевстве. Не считает нужным.

Некромант попал в больницу точку. Я часто обижалась на Оберона за его, как мне казалось, равнодушие. Стоит мне оказаться в своем мире, как обо мне забывают: спасибо, Лена, свободна, можешь идти.

– А относительно «что передать», – продолжал Максимилиан, с удовольствием за мной наблюдая, – так ведь король тебе не звонит. И у тебя нет с ним связи. Он великий волшебник, ходит между мирами, как ты между ванной и кухней. Хотел бы – оставил бы ниточку.

С превеликим трудом я взяла себя в руки. «Я некромант, – сказал когда-то Максимилиан. – Где ты видела, чтобы некроманты были хорошими?» Не стоит верить чужим ядовитым словам. Даже когда они кажутся справедливыми.

– Зачем ты пришел?

– Повидать тебя.

– Очень рада. Оболгал меня, ославил, выставил какой-то воровкой... Не думай, что это тебе сойдет с рук.

Он поднял брови.

– Да! – сказала я с вызовом. – Здесь тебе не... не замок принца-деспота! У тебя и документов нет, ты самозванец! В любом отделении милиции тебя раскусят, как орешек!

– Ты уверена?

– Посмотрим!

Я старалась быть дерзкой и спокойной, но на самом деле боялась все сильнее. Начальник лагеря уже наверняка позвонил маме. Рассказал весь этот бред. И мама, сорвавшись с работы, примчится... Она, конечно, моим словам поверит, но неужели мне придется доказывать еще кому-то, что я не грабительница... Погодите, а что он там говорил про обыск?!

– Ты врал про обыск?

– А ты как думаешь?

– Врал, – сказала я, и голос дрогнул. А что, если нет? Если некромант обуздал неведомые силы в моем собственном мире? И сейчас у нас дома в самом деле идет обыск, и у меня из-под свитеров в шкафу вытаскивают украденные чужие вещи?!

– Твоя поделница учится в вашей школе, – мягко сказал Максимилиан. – Ты вынимала ключи из карманов пальто в гардеробе, а потом вы вместе шли и обворовывали квартиры, когда точно знали, что там никого нет. И клали ключи на место. Отлично срабатывало, пока вас наконец не увидела соседка...

– Это бред и неправда, это легко проверить!

– Легко, – он кивнул. – Соседка тебя узнает. А эта девочка, с которой ты ходила на дело, Зайцева Людмила...

– Зайцева?!

Я поняла, что сейчас зареву. Он громоздил клевету на клевету, но делал это так спокойно и уверенно, что я мало-помалу убеждалась: это правда. Некромант на такое способен.

– Если бы у нас был обыск, мать бы уже прибежала сюда...

– А если она дает показания и не может отлучиться? Звонит тебе... Где твой мобильник, выключен?

Я маг дороги. Боевой маг. У меня нет посоха, но дать себя раздавить, как трухлявый гриб, – недостойно моего звания. А Максимилиан был близок к этому. Очень близок.

– Я тебе не верю. Ты... Чего тебе надо?!

У него были черные глаза. Очень черные на белом лице.

– Ленка, ты нужна в Королевстве. Именно сейчас. Поэтому я пришел, чтобы тебя забрать.

– Что... Да ты что... Пошел ты на фиг!

– Послушай, дело очень плохо. Идет нашествие Саранчи, это такие пустынные варвары. Их сотни тысяч, они сровняют все с землей и камня на камне не оставят.

Он говорил очень серьезно, глядя мне прямо в глаза.

– Что ты... опять врешь, да?!

– Нет.

– А Оберон...

– С Обероном особая история. Он... его нет дома. Вместо него сейчас Гарольд. Я предлагаю Гарольду союз, а он не хочет.

– Потому что ты обманщик и негодяй!

– Нет, потому что я некромант. А у Гарольда предрассудки.

– Просто он умнее!

– Гарольд? Умнее? Не смей меня. Он смотрит на мир вот так, – Максимилиан сложил из ладоней что-то вроде лошадиных шор. – Узко. Ты нужна в Королевстве, во-первых, как союзник, а во-вторых, чтобы убедить твоего друга Гарольда: я достоин доверия.

– Ты? Достоин доверия?! Да что ты делаешь-то со мной! Ты же...

– Пойдем в Королевство – сейчас. Вернемся – все поправим.

– Вот, – я свернула из пальцев фигу. – Вот так я купилась на твои враки.

– Зря. Потому что я говорю правду. А Саранча в трех переходах от столицы.

– Не верю!

– Что, не идешь в Королевство?

– Нет!

– А если я засажу тебя в колонию для несовершеннолетних?

Я сглотнула.

– Найди себе дохлую крысу и ее запугивай. Я плевать на тебя хотела, Максимилиан. Я раньше тебя побеждала – всыплю и сейчас.

– Прямо-таки всыплю?

– Иди на фиг!

– Жаль, – он отвернулся. – Тебя как по отчеству? Васильевна?

– Александровна!

– Счастливо оставаться.

Он потянул на себя скрипучую дверь библиотеки. Тут же выскочил из кабинета начальник. Я слышала, как Максимилиан говорит с ним в коридоре.

– Ошибка вышла, – сказал Максимилиан. – Приношу извинения от имени всей милиции. Та девочка – Лапина Елена Викторовна, а эта – Елена Александровна, случилось досадное недоразумение. До свидания.

И ушел, оставив начальника стоять столбом.

Только через несколько секунд, когда внизу уже завелась машина, начальник пришел в себя и завопил:

– Да как же так можно! Да это же... Я ее родителям уже позвонил! Вы что делаете!

Машина укатила. Притормозила в воротах, чтобы дать дорогу белым «Жигулям», на которых приехала в лагерь моя мама.

* * *

Она так кричала на начальника, что мне сделалось его жалко. Мама требовала имя, фамилию, отчество опера, номер его удостоверения, еще что-то, а начальник ничего этого не помнил, хотя опер – совершенно точно! – показывал ему документы. Мама кричала, что ее чуть не хватил инфаркт, что она уехала с работы, что она заплатила водителю, что она все это вычтет из зарплаты начальника и еще сверх того, потому что ребенку нанесена моральная травма. Сбежались все ребята и девчонки, и было очень неприятно, что Макс Овчинин тоже стал свидетелем этого скандала.

– На тебе, знаешь, лица не было, когда ты к корпусу подбегала, – он почему-то казался виноватым. – Я перепугался, честное слово.

– Разговор слышал?

– Нет... А опера видел. Странный мужик. Весь в черном – и белый-белый... На вампира похож.

– Близо, – признала я невесело. – Он некромант.

– Что?

Тут нас прервали – мама заявила, что забирает меня домой. Я хотела было возразить, но передумала – смены-то осталось два дня, а мама так расстроилась из-за этой дурацкой истории, что не хотелось с ней еще и спорить. Начальник сопел, как побитая собака; ему, человеку честному и ответственному, досталось ни за что ни про что, но как его утешить, я не знала.

Ребята и девчонки так жалели, что я уезжаю, что мне даже сделалось лестно. История о том, как полоумный мент сперва обвинил меня в убийстве целой кучи народу, а потом сказал, что обознался, будоражила и поварих, и уборщиц, и воспитателей, и физрука. А я бросала вещи в чемодан, как в замедленной съемке, и все пыталась сообразить: это было на самом деле? Мне не приснилось? Максимилиан?!

* * *

Верить некроманту нельзя, даже если он говорит правду.

За десять дней в лагере я успела отвыкнуть от собственного дома. Комната показалась меньше, кухня, наоборот, больше; братья подросли и даже, кажется, поумнели. Привычный мир обступил меня, будто желая отвлечь, развеять, вытеснить у меня из головы все мысли о Максимилиане и Королевстве.

Что там говорил этот бледный сморчок?

«Идет нашествие Саранчи, это такие пустынные варвары. Их сотни тысяч, они сровняют все с землей и камня на камне не оставят...»

Волшебному Королевству время от времени приходится за себя постоять. Людоеды, пираты... разбойники... враги. На то в Королевстве есть воины, есть стражники, есть маги дороги... и король Оберон, великий волшебник, умеющий летать и ходить между мирами. С ним ничего не страшно, любые враги разбегаются от одного его имени. Пусть в самом деле идет Саранча – Оберон что-нибудь придумает...

«Он отлучился по личному делу».

Нет у Оберона никаких личных дел! Когда Королевству грозит опасность – Оберон не может его оставить! Это просто невозможно!

Врал некромант, врал. Вот только зачем? Зачем ему пробираться в наш мир, искать меня, устраивать весь этот цирк? Только затем, чтобы поиздеваться?!

Я вяло разбирала чемодан, прислушиваясь к воплям братьев, играющих на балконе в настольный хоккей. Вдруг наткнулась на железный браслет, которому завидовали все девчонки в лагере. Браслет подарила мне Стелла; как я могла о ней забыть?!

Стелла и Саша поженились в мае, и Саша чуть не провалил весеннюю сессию. Он студент авиационного института, закончил третий курс; родители сперва не очень-то радовались его «реактивной» женитьбе, но Стелла им так понравилась, что они приняли ее, как родную дочку.

Я босиком прошлепала в коридор, сняла телефонную трубку и набрала номер по памяти.

– Добрый день, можно Стеллу? Это ее знакомая...

– Добрый день... Стеллочка, тебя к телефону!

Я услышала далекие веселые голоса и звон посуды. У Саши очень добрые, простые родители; они понятия не имеют, что их невестка – сказочная принцесса из Королевства, а сын – подмененный в младенчестве принц. Это не мешает им жить дружно и счастливо в трехкомнатной квартире.

– Алло, – сказала Стелла. Трудно представить, что еще недавно она понятия не имела, что такое телефон.

– Привет, это я, Лена, – пробормотала я, на всякий случай прикрывая трубку ладонью. Петька и Димка совсем уж расшумелись на балконе.

– Привет! – Стелла обрадовалась. – А мы были на море! Знаешь, там пароходы на электрических моторах!

– Ага, – сказала я. – Здорово... Скажи, из Королевства нет вестей?

– А еще там маленький замок над обрывом, совсем маленький, но настоящий, а под ним... Из Королевства?

– Ну да.

– Ну... Его величество звонил на прошлой неделе. Просил передать тебе привет. Я тебе перезванивала несколько раз, но тебя не было дома. А мобильный не отвечал...

Мобильный не отвечал.

Ну разумеется. Пока я сидела по горло в теплой воде, пока загорала на травке, слушая ленивый звон колокольчика, мобильник в сейфе у начальника лагеря лежал отключенный...

– Лена? Ты слушаешь? Его величество хотел с тобой поговорить, но твоя мама сказала, что ты отдыхаешь.

Оберон хотел *со мной* поговорить...

– Лена? Ты чего молчишь?

– В Королевстве что-то случилось?

– Нет, что ты. У них все в порядке.

У них все *было* в порядке на прошлой неделе. По меркам Королевства – несколько месяцев назад.

– Понятно, – я проглотила горькую слюну. – Спасибо, Стелла.

– Лена, ты расстроилась, что ли? Он еще перезвонит!

– Конечно, – сказала я очень глухо. – Перезвонит... Будь здорова, Стелла. Привет Саше.

Глава 2

Плохие новости

Оберон не оставил мне телефонного номера. Никакого способа, чтобы с ним связаться в случае надобности. Хотя великий маг и ходит между мирами, как я из кухни в ванную... Ядовитые слова Максимилиана засели во мне, будто ржавый гвоздь.

Некромантам верить нельзя!

А что делать, если Максимилиан не соврал? А вдруг Королевство в самом деле окружено врагами, а Оберона почему-то нет на месте?!

Он сказал: «Саранча в трех переходах от столицы...» Значит, пока мама орала на начальника, пока машина катилась от лагеря к дому, пока я говорила со Стеллой... В Королевстве время идет быстрее... За эти несколько часов, наверное, столица уже пала, орда пустынных варваров раскатала ее по бревнышку, и остались только камни и пыль. Все пропало, Королевства больше нет!

В какой-то момент мне сделалось так пусто и тоскливо, как бывало всего несколько раз в жизни. Ни о чем больше не думая, я отправилась на кухню. Что-то кричали Петька и Димка – я их не слышала...

Щелкнул выключателем электрический чайник. Я вдруг вспомнила: Максимилиан! Когда маг переходит из одного мира в другой, в его родном мире время замирает. Если Максимилиан еще здесь, у нас, – в Королевстве застыли мошки на лету, замерли реки и ветер, и следующее мгновение все никак не наступает...

А значит, есть шанс.

Зазвонил телефон. Я кинулась к нему в полной уверенности, что это некромант. Разумеется, ему верить нельзя, но...

– Алло! Ленка?

Веселый хриловатый голос в трубке. Ритка, подружка и одноклассница.

– Мне Макс звонил! Что там у тебя за история с полоумным опером?

– Да так, – промямлила я.

– Слушай, я сейчас в парк иду! Пошли со мной, а?

Зажав телефон плечом, я подошла к окну на кухне. Солнце, склоняясь, из жгучего превращалось в ласковое, и до темноты было еще далеко. На всех скамейках сидели парочки, малыши облепили детскую площадку, как муравьи – медовый торт.

– В парк? Э-э-э... Знаешь, у меня как-то... надо чемодан разбирать, стирка...

– Брось! Убежит твой чемодан за пару часов?

Разумеется, можно никуда не ходить, весь вечер сидеть дома и горевать о Королевстве, гадать, соврал некромант или нет. Можно постучать головой о стенку – авось решение найдется само. Можно еще раз позвонить Стелле... Если она не ушла куда-нибудь в кино со своим драгоценным Сашей.

– Лена? Ты заснула?

– Нет, – я прокашлялась. – В парк, говоришь?

* * *

В парке было здорово, свежо, но я почти сразу пожалела, что дала себя уговорить. Ритке, видите ли, купили новый мобильник, она нащелкала сотню фотографий и взялась мне показывать все подряд. Ритка, ее брат, цветы, жуки на песке, какие-то незнакомые люди, опять Риткин брат – мне быстро все надоело, но сказать об этом я не решалась. Ритка болтала, делала

круглые глаза, давала мне прослушать мелодии, просмотреть видео, которое она сама сняла, – неплохие клипы, но очень уж длинные. Ритка объяснила, что в ее мобильнике стоит чип с дополнительной памятью, и можно снимать почти настоящий фильм...

В разгар Риткиных объяснений я вдруг услышала топот.

Они налетели сзади – два пацана лет по шестнадцати. Один свистнул мне прямо в лицо, а другой в это же время выхватил мобильник у Ритки из рук. Ритка закричала, в ее вопле было больше возмущения, чем страха, а грабители уже неслись дальше по аллее, и, как назло, никого больше рядом не было...

Мы, не сговариваясь, кинулись вдогонку. Добежали до места, где аллеи расходились веером, и остановились. Ритка плакала в голос. Какая-то женщина подошла спросить, что случилось; узнав, начала ругаться на чем свет стоит. Она видела, оказывается, этих бегущих парней, они перемахнули в конце аллеи через живую изгородь – и все, их уже и след простыл.

В парке темнело. Влюбленные целовались на лавочках, компании пили пиво, на нас смотрели с интересом и сочувствием, а помочь ничем не могли. Даже не пытались.

Мы сели на скамейку. Ритка ревела, не скрывая слез. Я сама чуть не плакала – было очень обидно и противно. Гадко на сердце от своей беззащитности.

Если бы в Королевстве кто-то посмел ограбить мою подругу! Там у меня есть посох, я умею убивать взглядом... наверное, умею, не пробовала. По крайней мере, оглушить врага мне по силам. А здесь... Я даже Ритку ничем утешить не могу. Какое может быть утешение?

В эту минуту на аллее появился еще один гуляющий. Несмотря на теплый вечер, он был весь в черном: черная рубашка с наглухо застегнутым воротом. Черные вельветовые брюки. Черные кроссовки. Он остановился напротив нашей скамейки и сделал вид, будто только что нас заметил. Церемонно поклонился, как танцор:

– Добрый вечер, девушки... Что случилось?

Я обмерла. Я, оказывается, очень ждала, чтобы он появился снова, и теперь страшно обрадовалась... и испугалась. Я теперь очень боялась его, проклятого Максимилиана.

– Мобильник отобрали, – сказала я как могла равнодушно. – У Риты.

Он сел рядом – с Риткиной стороны:

– А номер ты помнишь?

Номер был простой и стильный – Ритка им гордилась. Прежде чем я успела вмешаться, она продиктовала Максимилиану десять цифр; он вытащил из кармана свой потрепанный телефон и, что-то непрерывно бормоча, стал нажимать кнопки.

Откуда у него телефон? Откуда он вообще знает, что такое мобильник?!

– Зачем? – Я хотела промолчать, но не удержалась. – Они уже выключили трубку! В лучшем случае тебя пошлют...

– Куда? – заинтересовался Максимилиан.

– Объяснить?

– Не надо... Как говорил один человек, меня никто не может послать, это я посылаю... Как вы думаете – они в парке или уже сбежали?

Я открыла рот, чтобы сказать, что грабители не только сбежали, но и сдать успели телефон своему перекупщику. И в этот момент в глубине парка, за живой изгородью, заорали так, что мы с Риткой подпрыгнули.

Прохожие завертели головами. Многие испугались. Максимилиан тронул меня за плечо. Я обернулась и увидела парня, который летел по аллее, выпучив глаза, и орал не переставая. Он пытался сорвать с себя футболку, и на бегу разорвал ее почти надвое, а за ним неслись второй: кажется, его тошнило. Они пробежали мимо нас, один врезался в столб, другой опрокинул урну и свалился сам, вскочил, и оба умчались, топоча и воя.

– Это они? – не веря себе, спросила Ритка. – Те самые... А что с ними?

Мы переглянулись с Максимилианом.

– У них проблемы, – кротко сказал некромант. – Злодеи наказаны, но телефона, увы, не вернуть. Лена, уже поздно... Не проводить ли вас домой, девушки?

* * *

Ритка вообще-то далеко не дура. Но, по-моему, она втрескалась в Максимилиана за те двадцать минут, что мы шли от парка до нашего двора. Забытым оказался даже мобильник: Максимилиан вешал Ритке лапшу, а она радостно принимала ее на благодарные уши, и сама что-то рассказывала, и даже, по-моему, цитировала какие-то стихи. На меня Максимилиан вообще не смотрел.

К счастью, во дворе нам встретилась Риткина мама. Она волновалась, потому что мобильник дочки не отвечал. Ритка принялась оправдываться, мать увела ее домой, ругая и сочувствуя одновременно. Мы остались с Максимилианом.

– Присядем? – Он кивнул на скамейку перед подъездом. Памятная скамейка; на ней я разговаривала с Обероном, и он впервые рассказал мне о Королевстве. На ней встретила Гарольда, молодого королевского мага, когда тот пришел, в свою очередь, звать меня на помощь.

И вот теперь – Максимилиан.

– Что ты сделал... в парке?

– Превратил в клопа этот несчастный мобильник. В очень большого клопа. По весу и размеру – один к одному.

– Ты можешь превратить мобильник в клопа... Что еще ты можешь? Здесь, в нашем мире?

– Кое-что могу, – ему было приятно на меня смотреть, ему нравилось, как я борюсь со страхом. – Я ведь очень серьезный маг, Ленка. Гарольду рядом со мной просто нечего делать.

– Ты в чужом мире...

– Я *везде* в своем мире. Мне везде хорошо. Только за Ведьминой печатью мне было плохо, но оттуда я, с твоей помощью, выбрался...

– И отблагодарил, – сказала я желчно.

– Ну, прости, – он улыбнулся и сразу сделался таким милым, ласковым – плюшевый зайчик, а не некромант. – Я хотел сразу тебя убедить. Без этих вот просьб и улаживаний... Я думал, будет забавно. А ты почему-то не оценила.

Он ухмылялся во весь рот, и, глядя на него, я поняла: он в самом деле считает свою придумку с «оперуполномоченным» веселой, удачной шуткой.

– Если ты такой серьезный маг, почему бы тебе не найти телефон и не вернуть его Ритке? – спросила я, разглядывая его черную рубашку из очень плотной ткани, с двумя нагрудными карманами. – Если ты такой... крутой?

– Потому что это скучно, Лен. Правильно и скучно. Кроме того, если бы все украденные мобильники превращались в больших клопов, разве это не было бы справедливо? Разве это не правосудие?

Я все больше узнавала прежнего Максимилиана. Мне было неуютно сидеть с ним рядом на скамеечке.

– Что ты там говорил... про Саранчу?

– Ах, ты все-таки вспомнила... Королевству грозит опасность, причем на этот раз – смертельная. Сотни тысяч воинов, верхом на многоногах, во главе князь Саран, и, насколько я знаю, еще ни одна крепость перед ними не устояла.

– А воины, стража? Армия Королевства?

– Ты же видела эту армию, – он снисходительно улыбнулся. – В Королевстве несколько десятков стражников. Это для мирного времени. В случае войны солдат приходится набирать среди крестьян, ремесленников, воров, желающих прославиться, и прочего сброда. Гарольд

уже призвал под знамена всех, кто способен держать оружие... Но что значит эта кучка ополченцев против армии Саранчи? Разумные люди разбегаются из города, вместо того чтобы выйти на бой и неминуемо погибнуть.

– Ты врешь. – У меня пересохло во рту.

– «Врешь» и «Не хочу верить» – разные вещи, Лена.

– Я тебе не доверяю!

– Во-от, – он вздохнул. – Говоришь в один голос с Гарольдом. Он тоже мне, видите ли, не доверяет и не ищет со мной союза. Он послал гонцов к славному королю Уйме Первому, желает заполучить его в союзники...

– Уйма – король?

– С тех самых пор, как его папаша Охра Костегрыз насмерть поперхнулся вареной репой.

У меня от сердца отлегло – чуть-чуть. Кого-кого, а Уйму я хорошо знала и доверяла ему, как себе. Он человек надежный, хоть в прошлом и людоед.

– Гарольд прав, – сказала я некроманту. – Уйма приведет на помощь толпы людоедов... в смысле, бывших людоедов.

Максимилиан тонко усмехнулся:

– Вот-вот. Король Оберон в свое время объяснил им, что людоедствовать нехорошо. А придет князь Саран – и освободит их. То есть объяснит, что они свободны кушать, кого захочется. И как ты думаешь, на чью сторону эти толпы сразу же перейдут?

– Уйма не допустит.

– Конечно. Поэтому Уйму съедят первым.

Был безветренный августовский вечер. Мальчишки играли в настольный теннис – под фонарем, в пятне света, можно хоть всю ночь стучать целлулоидным мячиком. Ромка со второго этажа сидел с гитарой прямо на траве. Окна светились – люди пришли домой, ужинают... Все так мирно, обыденно, тихо...

– А Оберон? Ты сказал...

– Оберона нет в Королевстве.

– Почему?

– По кочану! Если бы он был на месте – думаешь, я бы решился за тобой идти?!

Я потрясла головой. Максимилиан странно на меня действовал: я тонула в его доводах, как в киселе. Надо было собраться; я не маленькая девочка против взрослого человека – я маг дороги против другого мага, некроманта, у нас разговор на равных, и я не позволю сбить себя с толку.

– Первое, – я принялась загибать пальцы, – Оберон никогда не бросит Королевство без присмотра. Второе: если Оберон находится в другом мире, в Королевстве останавливается время. Третье: Гарольд – главный королевский маг, и он, когда Оберона нет, принимает решения без чужой подсказки. Четвертое: Уйма верный союзник Королевства, а ты некромант, человек, не заслуживающий доверия. Пятое: забыл, как ты меня бросил в замке принца-деспота?

– Шестое: забыла, как я тебя потом вытащил?

Он, кажется, начал злиться. Меня это немного успокоило: вечная его улыбочка раздражала, как скрип железом по стеклу. Когда он злился, он казался моложе. Сейчас, при свете фонаря, я разглядела, что он не взрослый – ну, не такой взрослый, каким хочет казаться. Странно, что начальник лагеря вообще поверил, что парень лет семнадцати может быть старшим оперуполномоченным. Наверное, Максимилиан его околдовал... а может, просто очень уверенно держался.

– Первое, – он смотрел на меня исподлобья, – Оберона нет в Королевстве. Второе: поскольку он не ушел в другой мир, то и время не остановилось.

– Значит, пока мы здесь с тобой говорим, там к городу подступают враги?!

– Нет! Сейчас-то я в другом мире, а я стал частью Королевства, так что, пока я тут сижу, гуляю, уговариваю тебя, разыскиваю краденые мобильники, – там время стоит. Когда ты будешь в Королевстве – остановится время здесь, у тебя дома.

– Я знаю.

– Всезнайка, – он хмыкнул. – Я прошу тебя об одном: пойдем в Королевство. Сама все увидишь.

Распахнулось окно у нас на кухне. Выглянула мама, глубоко вздохнула, уставилась на нас с Максимилианом.

– Лена! – кажется, она даже растерялась. – Мы уже поужинали! Ты идешь домой?

Это означало: «С кем это ты сидишь? Он не похож на приличного парня! Посмотри, какой бледный, наверное, наркоман!»

– Иду! – крикнула я. – Сейчас!

Мама прикрыла окно, но не ушла – все поглядывала на нас. Максимилиан казался ей подозрительным. Хорошо, что она не знала, кто он такой на самом деле.

– Максимилиан, – ради мамы я старалась выглядеть беспечной, – ты себя повел как мерзавец. Прямо сегодня. И после этого хочешь, чтобы я тебе доверяла?!

– Не доверяй, – он отвернулся, не скрывая раздражения. – Не доверяй, оставайся дома. А я могу спрятаться и пересидеть. Королевство мне не родное, чего ради я стараюсь?

– Куда девался Оберон?

– Иди в Королевство и все узнаешь.

– Король и великий маг не может провалиться, будто иголка в щель!

– Пойдем со мной – сама увидишь.

– Ты меня заманиваешь. Не пойду.

Он обернулся ко мне. В его глазах была такая злость, что я отодвинулась.

– Ну и ладно. Поговорили, теперь иди, ужинай! Завтра утром, когда проснешься, Королевство будет лежать в руинах. Пока!

Он поднялся и пошел к выходу со двора. И было совершенно ясно, что на этот раз он не вернется.

– Макс! – рявкнула я ему в спину.

Он даже ухом не повел.

– Стой!

Он вышел на улицу. Мама снова раскрыла окно. Не дожидаясь, пока она вмешается, я бегом кинулась за Максимилианом; воображаю, как это выглядело со стороны, но в этот момент мне плевать было, кто что подумает.

– Стой, некромант!

Соседка тетя Света, проходившая мимо, посмотрела на меня удивленно. Максимилиан повернул голову, но шага не замедлил. Я пошла с ним рядом; у меня горели щеки.

– Ладно. Проведи меня в Королевство – сейчас! И если ты обманул меня – или обманешь, или выкинешь какую-то штуку... берегись.

Глава 3

Катастрофа

В Королевстве тоже был летний вечер. Я зажмурилась: после сумерек моего родного мира предзакатное солнце слепило глаза. Мы с Максимилианом стояли на холме; под ногами пружинила изумрудно-зеленая трава, где прятались кузнечики, похожие на фей, и феи, похожие на кузнечиков. Тянулись к небу сосны. Позади, за нашими спинами, сплетались ветками толстенные дубы, их стволы казались бородатými от буро-зеленого мха. Вьюнки увивали и землю, и ветки, в густой зелени яркими пятнами горели цветы. Впереди стоял замок, упираясь шпилями в небо, а ниже, в долине, широко раскинулся город: он стал вдвое больше с тех пор, как я в последний раз его видела. Сверху, с холмов, спускалась широкая речка, у нее было имя – Ланс. Река впадала в море, покрытое белыми барашками, а между городом и морем был огромный порт.

Мое Королевство, как же я по тебе соскучилась!

Максимилиан стоял, подавшись вперед, и смотрел на замок. Ноздри у него дрожали, будто он принюхивался. У него было в этот момент такое хищное лицо, что я первым делом решила вернуть себе посох.

– Идешь в замок? – Некромант будто прочел мои мысли. – Иди. Пройдись по городу. Поговори со старыми знакомыми. Поверь своим ушам и глазам. Учти только: времени мало.

Он так странно улыбнулся, что у меня сердце защемило. Как будто впереди меня ждала какая-то скверная неожиданность.

– Да, и поговори с Гарольдом, – Максимилиан не сводил с меня черных неподвижных глаз. – Поручись за меня. Скажи, я дам клятву союзника.

Я подумала: это мы еще посмотрим. И еще: хорошо бы как-то отвязаться от Максимилиана.

– Я не пойду с тобой, – сказал он, отвечая на мой взгляд. – Все понимаю: у вас с Гарольдом приватный разговор...

Наверное, я выдала свое смущение и страх: мне показалось, что он читает мои мысли. Во всяком случае, Максимилиан, увидев мое лицо, расхохотался.

– Что смешного?

– Ничего... Просто я рад, что ты наконец в Королевстве. Теперь дела пойдут веселее... Ну, иди.

– Где тебя потом найти? – спросила я медленно.

– Сам тебя найду. Ну, не теряй времени!

Не переставая улыбаться, он подпрыгнул, превратился в большую черную птицу и, подняв крыльями ветер, улетел куда-то на закат.

* * *

Вот скотина. Он еще и оборачиваться птицей научился. Или раньше умел? Я ведь до конца не знала, что некрмант может, чего не может – даже когда он был пацаном двенадцати лет. Чего ждать теперь?

Солнце опускалось все ниже. Я двинулась к замку – широкими шагами, вниз по склону холма. На мне были джинсы, кроссовки, рубашка с короткими рукавами – как я гуляла с Риткой в парке, так и брела сейчас среди сосен, а между тем вечер обещал быть прохладным.

Или меня знобило?

Очень хотелось увидеть Оберона. Вот было бы здорово, если бы, явившись в замок, я заглянула к нему в кабинет... А он поднялся ко мне навстречу, и даже крыса в передничке, Дора, на секунду перестала мести столешницу метелкой из связанных перьев. Он сказал бы: «Здравствуй, Лена!» И все бредни Максимилиана оказались бы враньем.

Или даже пусть так: некромант не врал, к городу действительно подступают полчища Саранчи. Оберон действительно был в отлучке... Но вовремя узнал об этом и вернулся. Тогда мы встанем плечом к плечу, как много раз вставали, и отобьемся хоть от Саранчи, хоть от колорадского жука.

Кто такие многоноги, на которых едут пустынные воины? Забыла спросить у Максимилиана... И, если честно, не больно-то хочется знать.

Лес вокруг шуршал, звенел, пялился на меня блестящими глазами из травы, и каждый пенек, казалось, провожал меня взглядом. Птицы размером с бабочку вились у меня над головой, а бабочки размером с крупную птицу замирали на цветах, расправив крылья. Я была совершенно одна и чувствовала себя не магом дороги, а заблудившейся девочкой в лесу Бабы-яги.

Потом я заметила скрюченную темную фигурку в кустарнике; кто-то бородатый, покрытый шерстью, объедал с куста красные ягоды. Я остановилась, готовая бежать или драться, но любитель ягод не обратил на меня никакого внимания – даже лохматой головы не повернул, а все так же продолжал лакомиться, потихоньку бормоча под нос.

Я пошла дальше, то и дело оглядываясь, и через несколько минут выбралась на проезжую дорогу.

* * *

Я вошла в город через северные ворота. Раньше здесь всегда стояла стража. Но теперь не было ни души – ни в воротах, ни на ближайших улицах. Город, такой основательный, обжитой, теперь оказался почти пустым. Безлюдье и тишина на улицах напугали меня сильнее, чем десяток Максимилианов.

Правда, ближе к центру люди стали попадаться, причем многие, мне показалось, были пьяны. Кто крался, не поднимая головы, кто, наоборот, громко говорил и смеялся. Мне встретилось несколько повозок, нагруженных домашним скарбом, – люди, правящие лошадьми, не отрывали глаз от булыжника мостовой. Все они направлялись в нижнюю часть города, к выходу на большую дорогу, а может быть, в порт.

Я вышла на центральную площадь и остановилась перед Храмом Обещания. Я успела позабыть, какой он большой. Яркий купол почти не потускнел за прошедшие годы, сейчас он сверкал красным и золотым, отражая закатное солнце.

Но ведь королевское обещание давно выполнено. Почему до сих пор стоит Храм?

Огромные двери были приоткрыты. Вход никто не сторожил. Я поднялась на каменное крыльцо; прямо на ступеньках были высечены какие-то слова. Я присмотрелась.

«Музей Того, что Следует Помнить».

Уши мои, а не глаза, сказали мне, что внутри никого нет. Там царила особенная тишина очень большого помещения, пахло пылью и влагой, и было совершенно темно. Я зажмурилась, призывая ночное зрение, а когда открыла глаза, весь огромный зал предстал в серо-коричневом свете – без красок, но очень четко. Я могла различить каждую плиточку на мозаичном полу, каждую каплю влаги на бронзовом подсвечнике. Это действительно был музей, и я в жизни не видала ничего подобного.

В центре стоял макет дворца – точный, в мельчайших деталях. Напротив входа на больших рамах были натянуты гобелены. Один из них я узнала: мимо развалин, кое-где встающих

из песка, шел караван. Впереди ехал человек на белом крылатом коне. Это Королевство в пути, а впереди – Оберон; мне страшно захотелось увидеть короля прямо сейчас.

Я присмотрелась. Раньше, когда гобелен висел во дворце, он выглядел лучше. Сейчас нитки потускнели, кое-где разлохматились, гобелен казался влажным. Я помнила, что прежде лицо короля было выткано в мельчайших деталях, а теперь его и разобрать-то не получалось. Может быть, потому, что я смотрела ночным зрением?

И на других гобеленах была летопись того давнего похода: как мы ехали мимо озер и полей, как шли через лес, и какие на нас кидались хищные твари. Для Королевства это сделалось историей, ведь миновали годы с тех пор; для меня все это было совсем недавно. Я даже не успела как следует повзрослеть.

Здесь был портрет Ланса, вытканый шелком; Ланс, старший маг дороги, погиб в пути, защищая свое Королевство. Какие-то гобелены сохранились лучше, какие-то вылиняли и покрылись пятнами. Чем дольше я на них смотрела, тем тверже убеждалась: их неправильно хранили! Что за музей, где так сыро?!

А потом я увидела свой портрет: в полном облачении мага дороги, с посохом наперевес, я ехала верхом. У меня было такое гордое, такое мужественное лицо на этом гобелене, что я несколько минут не могла поверить: это правда? Это действительно мой портрет – в музее Того, что Следует Помнить?

У меня комок встал в горле. Я огляделась, смаргивая с ресниц случайные слезы, увидела другие экспонаты на постаментах, на столах, в затейливых стеклянных витринах: щиты, мечи, какой-то дикарский наряд, обугленную железную решетку, стоптанные сапоги, носовую статую корабля – она, правда, не помещалась в витрину и висела просто в воздухе, на высоте двух человеческих ростов...

А потом я увидела свой посох.

Когда-то мне его подарил Оберон – выдал, как именное оружие. Мой посох стоял в высоком стеклянном шкафчике, красно-зеленое навершие казалось черным. И я сразу поняла, зачем пришла в Музей, – не на свой портрет любоваться.

Я пришла за своим оружием.

Звякнуло стекло. Шкафчик не открывался – у него даже дверцы не было. Похоже, тот, кто поставил мой посох под стекло, предполагал, что экспонат останется там навечно.

Я отступила к соседнему стеллажу, где безо всякого стекла лежала здоровенная дубина с шипами. Не знаю, что в ней было ценного и за что ее нужно было помнить, но стекло она расколотила с одного удара – вдребезги. Посыпались осколки, и запрыгало эхо под огромным темным куполом.

Я протянула руку, взяла свой посох и сразу почувствовала себя сильной. Расправив плечи, вышла из Храма-Музея, остановилась на лестнице, огляделась; потом меня будто под локоть толкнули – я обернула посох навершием на запад...

Оттуда надвигалась такая огромная опасность, что посох, дернувшись, чуть не вывалился из рук.

* * *

По дороге к дворцу я встретила мародеров. Два мужичка таскали вещи из брошенного дома: один передавал другому через разбитое окно узелок, из которого свисали рукава и штанины. Другой стоял на камушке, зажав в одной руке большой медный чайник, а другой рукой пытался принять узел с одеждой. Я ударила посохом – зашипев, взвился зеленый луч в небо. Мародеры одновременно обернулись.

Тот, что был снаружи, бросился бежать вдоль по улице, не выпуская чайника, и скрылся в подворотне. Другой выпрыгнул из окна, вынеся раму на широких плечах, приземлился на чет-

вереньки, вскочил и бросился догонять подельника. Я успела подпалить этому второму штаны – когда он заворачивал за угол.

Через секунду все было тихо. Узел с одеждой валялся под окном. Я заглянула в дом: там было пусто, следы не то поспешного отъезда, не то грабежа, а может, того и другого разом...

Если бы Оберон остался в городе – разве такое было бы возможно?

* * *

Вот где обнаружилось полно народу – перед дворцом. Здесь толпились стражники из Королевства и ополченцы из соседних деревень. Здесь собрались горожане из тех, кто все-таки решился защищать свой дом, вместо того чтобы драпать. Отряд землекопов с лопатами отправлялся куда-то под командованием моего старого знакомого – канцлера. Крючконосый меня не заметил. Он всем своим видом показывал, что стар для военных операций и, шагая впереди отряда, нарочно держался за поясицу.

Я едва протолкнулась к воротам замка, и вот здесь меня узнали в первый раз. Усатый стражник протер глаза:

– Маг дороги?! Вот удача! Как вовремя! Скорее к господину Гарольду, он знает о вас? Ему уже доложили?!

Ему не доложили. Поэтому, когда я встала – в джинсах и с посохом – на пороге его кабинета, он чуть стол не опрокинул, так резко вскочил.

Он тоже сделался старше. Вот беда. Я познакомилась с ним, когда ему исполнилось семнадцать, и он был мне как брат. В прошлую нашу встречу ему было уже хорошо за двадцать, он был женат, нянчил сына... А теперь он отрастил бороду и сильно раздался в плечах. Зрелый, крепкий мужчина.

– Лена! Это точно ты?

Он уставился на меня недоверчиво. Потянулся даже за посохом, который стоял тут же, у кресла. Я попятилась. Гарольд махнул рукой моим провожатым:

– Ступайте. И закройте дверь!

У него был резкий, не терпящий возражений голос. Я обратила внимание: он привык командовать, привык, чтобы ему подчинялись беспрекословно.

– Это точно ты? – повторил он испытующе.

– Это я. Не морок, не привидение.

– Откуда ты взялась?

– Меня привел Максимилиан.

– Некромант?!

Я сжала зубы. Казалось, передо мной совсем незнакомый человек. Властитель. Суровый. Чужой.

– Добрый день, Гарольд. Рада вас... тебя видеть, дружище.

Он помолчал. Потом с силой провел рукой по лбу:

– Извини. Видишь, что происходит...

Этот жест напомнил мне Гарольда-прежнего. Молодого. Друга.

– Вижу, – сказала я через силу. – Я пришла, чтобы помочь.

Он поднял глаза. Я испугалась, увидев этот взгляд.

– Ленка...

Он что-то хотел сказать, но не решался. И эта его нерешительность напугала меня до холодных мурашек.

– Гарольд, – я старалась, чтобы голос у меня не дрожал. – Дружище... Ты опять вырос, я тебя не узнаю, а как поживает твой сын?

Он помотал головой и снова уселся за стол. Поставил рядом посох. Кивнул мне, предлагая садиться в кресло для гостей.

– Ленка, очень мало времени. Ты – вот что... Если я дам тебе мальчишку и проведу вас обоих туда... в твой мир... Ты обещаешь о нем позаботиться?

– Что?!

Он смотрел на меня, будто издалека, – мутноватым, напряженным взглядом.

– Мы собираемся достойно умереть здесь и дать возможность нашим женщинам уйти подальше... Моему сыну пять с половиной лет, у него есть свой меч, он хочет идти на бой... Слушай, забудь. Я ничего тебе не говорил.

Я поперхнулась несказанными словами. Мне не раз приходилось выполнять в Королевстве опасную работу, сражаться, рисковать... Но *такого* я не ждала от моего доброго, прекрасного Королевства.

И я задала вопрос, который волновал меня сильнее всего:

– Где Оберон? Где его величество?

Он чуть сдвинул брови:

– Кто?

– Оберон!

Он смотрел, будто припоминая. Потом властно поднял руку:

– Извини, у меня нет времени на ребусы. Через полчаса военный совет... Уйма еще не прибыл?

– Гарольд, это не ребусы, – я задохнулась от возмущения. – Где Оберон? Мне-то можно сказать? Он жив, что с ним?

– Я не знаю, о ком ты спрашиваешь, – признался он, и в голосе его проскользнуло раздражение.

У меня пол закачался под ногами.

– Да что случилось здесь у вас?! Что Оберон мог сделать, чтобы ты его так...

– Я не понимаю, о ком ты говоришь! – Он злился. – Я не могу помнить всех твоих знакомых!

– Гарольд! Я говорю об Обероне!

Он резко поднялся:

– Все, хватит. Я должен готовить совет. Пошли.

* * *

Несколько минут после этого разговора я ничего не слышала, кроме гула в ушах. Вокруг лязгало железо, топали сапоги, хлопали двери. Весь замок шумел, как лес во время бури, меня узнавали, окликали, о чем-то спрашивали. Я кивала в ответ, не понимая ни слова.

Потом стала подходить ко всем, кого помнила, и спрашивать: где король? Где Оберон?

Они смотрели непонимающе, будто никогда не слышали этого имени!

Это было как в страшном сне. Я села на ступеньку лестницы и укусила себя за руку. Захотелось проснуться. Я в Королевстве, где нет Оберона! Где никто его даже не помнит!

Это была ловушка. Какое-то другое, измененное Королевство. Максимилиан привел меня сюда обманом. Значит, Гарольд – не Гарольд... Замок – не замок... А как же Музей Того, что Следует Помнить? Мой портрет на гобелене – тоже не мой портрет?!

Люди разбегаются из города. Мародеры грабят покинутые дома. Гарольд просит меня увести его сына в мой мир и спасти. Они все сошли с ума. Сошли с ума – и забыли Оберона.

Совершенно потерянная, я вышла на лестничную площадку у входа в одну из башен. Витражное окно было распахнуто настежь – на запад. Там горел закат, алый и золотой, и длинные фигурные облака светились пурпуром и золотом. Это зрелище завораживало; не верилось,

что в мире, где есть такой закат, Оберон мог исчезнуть навсегда. Это какое-то злое волшебство; может, еще не все потеряно?

Закат перечеркнула черная птица. Бесшумно ударила крыльями, зависла прямо напротив окна. Я отшатнулась. Птица присела на подоконник. Скрежетнули когти по мрамору, и в ту же секунду превратились в пальцы, вцепившиеся в край окна. Максимилиан повис снаружи, на руках, глядя на меня снизу вверх.

– Убедилась? Все поняла?

У меня за спиной бегали люди, переговаривались. Некроманта, висящего за окном, никто не замечал. Мне было страшно смотреть на него: под нами было метров двадцать отвесной стены, а потом еще ров, утыканный заостренными кольями.

– Почему ты мне не сказал...

– А ты бы поверила?

Я прижала к себе посох, как любимую куклу.

– Что это значит, Макс? Что с ним... случилось?

– Расскажу все, что знаю... потом. Начинается военный совет. Уговори Гарольда взять меня в союзники.

И он разжал пальцы. Я поперхнулась; черное тело Максимилиана полетело вниз, на лету съежилось и обернулось птицей. Птица взлетела на уровень заката, каркнула что-то в мою сторону и умчалась.

* * *

Бальный зал, где когда-то праздновали свадьбы сразу четырех принцесс, превратился теперь в зал военного совета. Королевский трон стоял пустой. Я посмотрела на него – и сразу отвела глаза. Вокруг собиралась толпа, вдоль стен теснились стражники и придворные, быстрым шагом вошел Гарольд и сел справа от пустого трона.

– Его величество король Уйма Первый Вегетарианец! – провозгласил слуга надтреснутым, но громким и торжественным голосом.

Рявкнули трубы. Двумя колоннами в зал двинулись обросшие бородами, лохматые дикари в одеяниях из грубо выделанной кожи, с браслетами и ожерельями из звериных зубов, а кое у кого болтался на шее птичий череп. Лица их были покрыты шрамами; разве что на лбу у каждого не было написано «людоед», а так все ясно.

Потом вошла туземка. Какая-то островитянская красавица: в пышной юбке из пальмовых листьев, в меховом лифчике, украшенном иглами дикобраза (во всяком случае, так мне показалось). Ее черные волосы торчали вверх – уж не знаю, каким образом их закрепили, но из-за них туземка была похожа на жесткую щетку, поставленную стоймя. На босых ногах у нее звенели браслеты с колокольчиками, руки, обнаженные до самых плеч, были расписаны узорами. В каждом ухе блестело по огромному драгоценному камню, правую ноздрю украшал камень поменьше. Лицо ее, раскрашенное белой и черной краской, показалось мне странно знакомым.

Последним вошел Уйма. Трубы рявкнули совсем уж нестерпимо. Уйма был гладко выбрит, аккуратно подстрижен и одет в какой-то элегантный шелковый балахон, черный с серебром. А в остальном – он не изменился.

А когда он встал рядом с островитянкой, она небрежно оперлась на его локоть и Гарольд, поднявшись, приветствовал их обоих, я узнала Филумену, коварную и капризную принцессу, которую выдали замуж за дикаря – и, как видно, это пошло ей впрок...

Гарольд оглядел толпу, увидел навершие моего посоха и поманил меня пальцем. Я подошла. Уйма обернулся, и его желтые глазищи вдруг стали круглыми, как чупа-чупсы.

Он ничего не сказал. Мы обнялись на глазах всего зала. Филумена, конечно, тоже узнала меня и выдавила что-то вроде улыбки.

– Ты в самом деле вегетарианец, Уйма?

– Я создаю себе репутацию, – он оскалил желтоватые острые зубы. – Главное в политике – правильно себя поставить, жритраву!

И он так лихо подмигнул мне, что у меня стало легче на душе.

– Уйма, ты помнишь Оберона?

Вопрос сорвался с губ прежде, чем я успела удержать его.

Он не успел и рта раскрыть – а я прочла ответ по глазам.

– Это кто-то из ваших?

Тяжесть, чуть отпустившая меня от его улыбки, снова навалилась на плечи – стократ хуже.

* * *

Начался военный совет. Как по мне, здесь было слишком много людей; советоваться посреди большого зала, среди толпы людей, не очень-то удобно.

Канцлер, напоказ держась за поясницу, доложил о подготовке замка к обороне. Столько-то выкопано рвов такой-то глубины, такой-то ширины. Столько-то вбито колышков, чтобы многоноги о них спотыкались. Столько-то приготовлено каменных ядер, столько-то катапульт установлено на стене. Столько-то крупы, свеклы и соленого мяса запасено в замке. Его скучный, очень подробный доклад то и дело перемежался жалобами на то, что людей мало, средств недостаточно, замок – это жилище, а не крепость, то есть не оборонительное сооружение, и он, канцлер, старый больной человек: как он может в таких условиях за что-то отвечать?

Я смотрела, как шевелятся волоски в его крючковатом носу, и вспоминала, как этот же самый канцлер допрашивал меня, перепуганную до смерти, когда я впервые попала в Королевство. Потом он отвел меня к королю... Мне захотелось зажать уши руками, как будто тысячи голосов кричали мне, что есть силы: «Оберон! Оберон! Оберон!»

Уйма тем временем сообщил, что привел две тысячи бойцов. Я вспомнила, что говорил об этих бойцах Максимилиан – «Уйму они съедят первым»... Надо было заговорить о Максимилиане, но я никак не решалась открыть рот.

– Лена, ты хочешь что-то сказать? – отрывисто спросил Гарольд. У него появилась новая манера – он говорил очень резко и сухо.

Я начала, стараясь держаться как можно спокойнее. Правда, долго разглагольствовать мне не пришлось.

– Наши люди не станут сражаться рядом с некромантом, – оборвал меня Гарольд. – Говорить об этом не следует. Дальше...

– погоди, – я крепче сжала посох. – Почему – говорить об этом не следует? Если наше положение так плохо – почему не принять помощь от...

Уйма покосился желтым глазом. Гарольд очень медленно повернул голову. Обдал меня взглядом, как кипятком.

– Младший маг дороги, – произнес, сделав ударение на слове «младший». – У меня нет сейчас времени, чтобы объяснять тебе общеизвестные вещи. Если в этом городе остался кто-то, кому ты доверяешь, иди и расспроси его... Пока мы решим очень важные вопросы: с боеприпасами, с водой и кто будет заниматься ранеными на поле боя!

«Если в этом городе остался кто-то, кому ты доверяешь». Меня резанули, как бритвой, эти его слова. «Общеизвестные вещи»... Я крепче сжала свой посох, поднялась и отошла от них. Пусть совещаются.

Огромный зал плыл перед моими глазами. Я заметила Эльвиру, принцессу: она сильно изменилась за те несколько лет, что я ее не видела. Рядом с ней стоял принц Александр – только я во всем Королевстве знала, что он подкидыш, его подменили в колыбели, а настоящий сын Оберона – тот самый Саша, что закончил третий курс и женился на Стелле... Эти двое тоже забыли короля?

Я вышла из зала и остановилась на лестнице. Собственно, вот и все. Просьбу Максимилиана (или это было поручение?) я не выполнила. Армия Саранчи стоит в трех днях пути от города. Оберона нет. Такое впечатление, что никто не слышал его имени.

Я снова присела было на ступеньку, но в этот момент перед замком грянули трубы – не хрипло, как во время появления Уймы, а полнозвучно и очень грозно. Я подскочила; звук труб сменился мерным топотом идущих в ногу людей. Сбегая вниз по лестнице, я подняла посох; казалось, что опасность везде.

Снизу, навстречу мне, бегом поднимался мальчик лет шести, в бархатном костюмчике, высоких сапогах, с маленьким мечом на боку. Пробежал мимо меня, потом обернулся и посмотрел внимательнее. Он был вылитый маленький Гарольд.

– Что там? – спросила я.

Он нахмурился, будто решая, достойна ли я доверия.

– Я Лена Лапина, – сказала я.

Он улыбнулся – широко и недоверчиво.

– Что там? Кто трубил?

– Это принц-деспот, – сказал мальчик, не переставая улыбаться. – Он привел большое войско.

* * *

Военный совет возобновился после короткой паузы – в новом составе. Принц-деспот искренне обрадовался, увидев меня. Это был высокий, статный, черноволосый мужчина; когда я увидела, что он на свободе и, более того, привел Гарольду подкрепление, – меня чуть удар не хватил.

Он был мой давний враг. В прошлую нашу встречу победа осталась за мной – честно говоря, это было редкостное везение. Я знала, что он не упустит случая отплатить, хоть сто лет придется выжидать удобного момента. Оберон прекрасно понимал это и потому не собирался выпускать из удобной, хорошо обставленной тюрьмы. А теперь Оберона нет и принц-деспот на свободе.

– Кого я вижу! Маг дороги Лена Лапина собственной персоной! Вы отлично сохранились, миледи, и, кажется, не подросли ни на вершок.

– У нас в мире время идет медленнее, – проронила я сквозь зубы. Принц-деспот смотрел на меня цепким – нет, цепенящим! – взглядом. Я старалась не поворачиваться к нему спиной.

Гарольд произвел смотр войск. Они выстроились перед замком – три тысячи солдат, все в железных нагрудниках, с копьями наперевес, и на каждом копье – упор. Это чтобы останавливать наездников на многоногах, пояснил принц-деспот, и по его команде первая шеренга оцетинилась копьями, уперши их в землю.

– Славно, – сказал Гарольд, и ноздри его раздувались. – Саранча подавится нашим Королевством, здесь они встретят отпор, какого не видели нигде и никогда! Остановим их!

– Остановим! – взревели войска.

Гарольд кричал, задрав бороду, вскинув к небу руку; он кричал, что Саранча захлебнется, будет отброшена, раздавлена, – а глаза у него были такие же, как в тот момент, когда он просил меня увести из Королевства его сына.

Он не верит в победу, поняла я. Все эти войска, может быть, помогут продержаться несколько дней... Но Саранчи неисчислимые полчища.

Прячась за спинами плечистых вооруженных мужчин, я незамеченной вернулась в замок. Во всяком случае, мне хотелось верить, что меня не заметили. Верхние этажи еще хранили хотя бы внешний порядок – не громоздилась как попало мебель, не летали подхваченные сквозняком бумаги, не валялись в углах кучки обглоданных птичьих костей. Я искала кабинет Оберона, и я его нашла – хотя он выглядел совсем не так, как мне помнилось.

Тяжелая штора прикрывала книжный шкаф. В углу стояла тренога с черной доской, похожей на школьную. На деревянной скамейке лежала клетчатая шкура – я вспомнила, Оберон называл ее шкурой бебрика. На ней хорошо бы играть в шахматы...

В стене темнела полукруглая нора. Видно было, что и там никто не жил – проем был затянут паутиной. Где сейчас Дора, крыса-уборщица с подвязанным к спине хвостом...

О чем я думаю? Где сейчас сам Оберон, да что же здесь случилось, кто мне ответит на этот вопрос?!

Я опустила на колени, коснулась щекой шкуры и погладила ее трясущейся рукой. Очень хотелось реветь, слезы подобрались уже к самому носу; я с преогромным усилием взяла себя в руки.

Быстро темнело. Из окна город был как на ладошке. Темный город, только где-то горел пожар. Последние отблески заката отражались на куполе Храма-Музея. С трудом открыв раму, я распахнула окно.

Почти сразу, не дожидаясь приглашения, на подоконник плюхнулась черная птица. Покосилась на меня глазом-бусинкой, оглядела пустую комнату и, соскользнув с подоконника внутрь, обернулась Максимилианом.

– Он не хочет тебя в союзники, – сказала я без предисловий. – Или ты мне здесь, сейчас объяснишь, что случилось, или...

Он и глазом не моргнул.

– Видала, кто пришел?

– Да...

– Теперь-то Гарольд точно меня не примет. У него есть другой, хороший и приятный союзник – принц-деспот. – Максимилиан беззастенчиво поковырялся в носу.

– Он сошел с ума, – пробормотала я. – Гарольд рехнулся.

– Лена, признайся: Гарольд никогда не был очень умным.

– Зато он всегда был порядочным... – Я хотела добавить «в отличие от тебя», но удержалась. Я поймала себя на том, что разговариваю с некромантом, как с другом; он единственный из всех помнил Оберона. И он не заключал, подобно Гарольду, союза с принцем-деспотом, который много раз пытался меня убить и еще попытается. Он был какой-то... человеческий.

– Кто выпустил принца-деспота из тюрьмы? – спросила я отрывисто.

– Никто. Он сбежал. Надо сказать, принцесса Розина моментально расторгла их брак и удрала с каким-то бывшим пиратом.

– Как Оберон допустил, чтобы принц-деспот... – Я поперхнулась. – Послушай, я не могу больше ждать. Если ты знаешь, что с ним случилось, – говори!

Он с готовностью кивнул:

– Я затем тебя и позвал... Давай переберемся ко мне в замок.

– У тебя и замок есть?!

– Ну... маленький. Это недалеко, только надо лететь по воздуху.

Я подпрыгнула. Повисела над полом, медленно опустилась. При мысли о том, что придется лезть в окно и взлетать – впервые после перерыва – прямо над пропастью, надо рвом со вбитыми кольями, – делалось очень кисло.

– Что я забыла в твоём замке? Мы здесь не можем поговорить?

– В моем замке, во-первых, спокойно и никто не помешает. Во-вторых, там полно хорошей еды и питья. В-третьих... Я-то отлично помню, как к тебе относится принц-деспот. Ты не боишься ночевать с ним под одной крышей?

Он сидел в оконном проеме, устроившись так удобно, что при взгляде на него тоже хотелось сесть, раскинуться, расслабиться; внизу, в темноте наступающей ночи, горели костры, грохотали сапоги, кто-то командовал, кто-то ругался.

– Не боюсь, – сказала я, нарочито поигрывая посохом. – Я ничего не боюсь, так и знай.

– Тогда полетели, – он перекинул ноги через подоконник, свесил их из окна. – Держись за мной, сейчас темно, никто нас не заметит...

И соскользнул с подоконника.

У меня заныло в животе. Я вспомнила, как последний раз мы летали с Обероном; я держалась за его руку, сперва висела, как мешок, а потом выправилась...

Когда решаешься на что-то, в какой-то момент надо перестать думать. Принял решение – и вперед; я взобралась на подоконник. На мне по-прежнему были кроссовки, джинсы, рубашка с короткими рукавами, ночью в небе я замерзну...

На горизонте собирались низкие облака. Из них наполовину высунулась луна, огромная, как купол Храма-Музея. В свете луны кружила черная птица – удобно распластавшись в воздухе, ждала меня.

Я посмотрела вниз...

Вот ерунда. Сколько взлетаю – столько боюсь. Душа в пятки уходит.

– Оберон, – прошептала я, глядя на луну. Собрала в кулак всю свою волю и чуть поднялась над подоконником – на пару сантиметров. Почувствовала себя легкой, как шарик; пыльный сквозняк тянул меня наружу, навстречу луне, как будто я была стружкой дыма, а не девочкой...

И я полетела.

Наверное, со стороны это выглядело не очень изящно – я летела, раскорячив руки и ноги, будто ухватившись за воздух. В правой руке у меня был посох, по его наверху пробегали искры, красные и зеленые. В небе оказалось не так холодно, как я ждала, но все равно кожа моя покрылась мурашками, а зубы застучали.

Птица летела впереди, указывая дорогу. Улетала вперед – и возвращалась, кружила, ожидая. Я прибавляла и прибавляла ходу, и скоро ветер засвистел у меня в ушах, а полы рубашки захлопали, как парус; немного успокоившись, я решила посмотреть вниз.

Внизу проплывали скалы. Я видела их ночным зрением – серые и коричневые хребты, поросшие лесами, оплетенные ручьями, как человеческая рука – синими венами. Мы летели прочь от моря и прочь от города. Воздух становился все холоднее.

Показалось большое озеро. Черная птица описала над ним круг, а потом начала снижаться. И я увидела на берегу этого озера, в неприступном месте – угловатый, черный, островерхий замок.

Глава 4

В гости к некроманту

– Это вход.

Замок был окружен высоченным частоколом из скал. Две скалы, выше прочих, упирались верхушками в небо, между ними темнел проход такой примерно ширины, как въезд в гараж. Дорогу преграждали железные прутья с заостренными концами, они торчали, как лес, во много рядов.

– Ну вот, войди без разрешения. Попробуй.

Я перевела дыхание – после полета у меня щеки горели и руки тряслись.

– Ничего не буду пробовать. У нас каждая секунда на счету, открывай!

Он щелкнул пальцами. Железный «лес» втянулся в землю – был, и нет.

– Ты меня привел развлекать – или говорить о деле? – осведомилась я сквозь зубы.

– Ты мой первый гость, – сказал он немного обиженно. – Вот будет у тебя свой замок – тоже небось захочешь немного похвастаться.

И он пошел по узкой дороге, вдоль которой горели факелы на черных столбах. Это было красиво и жутковато; я шла за ним, немного озадаченная. «Вот будет у тебя свой замок»... а ведь неплохая мысль. Я не отказалась бы от замка, только строила бы его не среди гор, а на берегу моря, чтобы были песчаные пляжи, и...

Максимилиан остановился перед запертой дверью. Справа и слева темнели вырубленные в камне ниши. Я разглядела железные кольца, вмурованные в стену, и обрывки цепей.

– Это зачем?

– Здесь у меня будут скелеты, – сказал Максимилиан немного смущенно. – Два больших скелета, справа и слева, открывать-закрывать двери, спрашивать, кто пришел... Это ведь замок некроманта, ты не забывай.

– Да? – Я прокашлялась. – А почему... почему их сейчас нет?

– Не успел. Не все сразу, ты пойми... Ну, добро пожаловать.

Дверь заскрипела. Я сдержала ухмылку; в детстве Максимилиан боялся всяких там мертвецов просто панически. Оказывается, и с возрастом его страх не пропал. Хорошо, что я знаю эту его тайну.

Тем временем дверь распахнулась, открывая полукруглый проем, и мы вошли.

Максимилиан кокетничал, когда говорил – «маленький замок». Изнутри он казался куда больше, чем снаружи. И выглядел довольно зловеще – особенно если смотреть ночным зрением.

По высоким черным сводам бегали искорки. Воздух был на удивление свежий, как после грозы. Вслед за некромантом я поднялась по винтовой лестнице, миновала какой-то коридор и снова оказалась под открытым небом – это был внутренний дворик с черной беседкой, похожей на растопырившегося паука. Здесь же помещалась цветочная клумба, на ней росли крепкие, незнакомые растения – бледные цветы кое-где зацветали, кое-где осыпались, а созревающие плоды были похожи на тяжелые волосатые кулаки.

Максимилиан пошевелил пальцами. Я зажмурилась: над беседкой загорелся огненный шар размером с футбольный мяч. Сразу сделалось светло.

– Что ты будешь есть? – Максимилиан кивнул мне на кресло с высокой спинкой.

Я уселась. Есть хотелось ужасно.

– Учти, что я не ем лягушек, нетопырей, червяков, всякую гадость...

Максимилиан кротко улыбнулся:

– Как насчет блинчиков с вареньем?

– Блинчики я ем, – сообщила я сурово.

Максимилиан свистнул. Сверху – мне показалось, с неба – спустился на паутине большой мохнатый паук. Судя по тому, как тяжело он раскачивался, весу в нем было килограммов пять.

– Накрыть на стол, – сказал ему Максимилиан. – Блинчики, варенье, фрукты, чай.

На ходу сворачивая паутину, паук бесшумно скользнул в открытую дверь. Я проводила его взглядом. Максимилиан молчал; на секунду сделалось так тихо, что я услышала голоса гор вокруг. Где-то – очень далеко – срывался со скалы водопад. Шумел лес на неприступном склоне. Ночная птица пела тонким и чистым голосом – похоже на перезвон деревянных колокольчиков.

– А сюда ведь Саранча не доберется, – сказала я ни с того ни с сего.

– Возможно.

– Тогда зачем? Зачем набиваться Гарольду в союзники? Зачем тащиться в другой мир и вытаскивать меня? Ты ведь и так пересидишь здесь, за каменной стеной, жуя блинчики!

– Ищешь, в чем моя выгода?

Я глубоко вздохнула. Воздух здесь был как молочный коктейль.

– Максимилиан... где Оберон и что с ним случилось?

Огненный шар медленно поворачивался в воздухе. По его поверхности бегали сполохи, это было по-настоящему красиво. Максимилиан смотрел на огонь, прищурив глаза.

– Его забыли, Лена.

– Где он?!

– Я не знаю. Может быть, он сам ушел. Может быть, его вытеснило из этого мира... как вода вытесняет надувной мячик. Но уже совершенно ясно, что Королевство, в котором забыли Оберона, обречено и начнет разваливаться. Уже начало, – Максимилиан кивнул, будто сам с собой соглашаясь.

Меня охватил новый приступ паники. Огненный шар то разгорался, то чуть угасал. Тени от беседки, от кресел, от цветов дрожали и прыгали.

– Рушится тонкий мир, – продолжал некромант. – Разрушается волшебная оболочка неволшебных предметов. Обыкновенный, обыденный мир еще не успел окостенеть, он колеблется, теряет устойчивость. А когда мир теряет устойчивость, всегда приходит Саранча.

При свете огненного шара его белое лицо казалось желтым; передо мной сидел угрюмый, взрослый, совершеннолетний некромант.

– Саранча... я плохо понимаю, что это такое. Одно знаю точно: она снесет здесь все. Сравниет с землей постройки вместе с жителями. Все земли, до которых успело дотянуться Королевство, – острова с бывшими людоедами, далекие берега, уголья этих смешных тварей – бебриков... Все опустеет, и пространство начнет сжиматься, как пузырь, из которого потихоньку выходит воздух. И сольется в точку, – Максимилин сжал большой и указательный палец, будто давя между ними комара.

Я сидела, застыв на месте, а он посмотрел на меня – и вдруг рассмеялся:

– Да, так будет... И бедному некроманту останется только бежать обратно за Ведьмину печать. А там плохо, Лена, ты знаешь. Там теперь царствует принц-чума.

Из темного проема двери выбежал паук. Я еле удержалась, чтобы не заорать во все горло: нервы у меня были как перетянутые струны на игрушечной балалайке.

– Поэтому во что бы то ни стало надо выкручиваться, – бодро завершил Максимилиан. – Прежде чем мы сядем за стол, я тебе хочу что-то показать.

Он подошел к клумбе. Жесткие стебли замерли будто неживые. Максимилиан взял созревший плод, похожий на волосатый кулак, и тот с готовностью отделился от куста.

– Что это такое, по-твоему?

Я пожала плечами. Максимилиан тряхнул плод, послышался глуховатый стук семечек.

– Это семечки правды, – сказал Максимилиан с торжеством. – Я нашел у себя одно и вырастил, собрал урожай и снова посадил... Ты помнишь, как они действуют?

И разломал сухую оболочку плода. Я увидела десяток кругляшек, похожих на горошины, – желтых, зеленых и серых.

* * *

Трапеза ждала нас в большом черном зале. Огненные шары висели в воздухе, будто огромные елочные игрушки, и пламя текло по ним, как вода, – только не сверху вниз, а наоборот. Лепестки огня срывались и уносились вверх вместе с дымом – под потолок, украшенный тонкой резьбой.

Прежде чем сесть, я повела посохом будто невзначай. Опасности не было.

– Боишься, что отравлю тебя? – От Максимилиана ничего не укрылось.

– Привычка, – ответила я коротко.

Травить меня ему не было резона. Но некроманты иногда делают гадости безо всякой для себя пользы – просто так.

Блинчики выглядели замечательно – тончайшие, как кружево, маслянисто-нежные, они совершенно не вязались с мрачным обликом замка. Максимилиан сразу принялся за еду – с таким аппетитом, будто не было Саранчи и Оберон, как ни в чем не бывало, по-прежнему правил у себя в замке.

Нам никто не прислуживал, мы сами брали из большой тарелки блины и из вазочек – варенье, и это было замечательно: во-первых, потому, что я вообще не люблю, когда мне кто-то подает. Во-вторых, здоровенный паук, разливающий компот, способен испортить любой аппетит – даже тот волчий, что разгорелся у меня в эту минуту. А блинчики таяли на языке, их вкус заливал и нос, и гортань, и даже, кажется, уши. Варенье было чуть кисловатое, я такого в жизни не ела.

– Спасибо, – сказала я, переводя дыхание.

– На здоровье, – Максимилиан еще жевал, его подбородок был вымазан маслом и вареньем. Я подумала: как странно, я только что узнала страшные вещи. Такие невозможные, что я их и понять-то до конца не могу. А вот сижу и ем блинчики, и кажется очень важным: варенье больше похоже на смородиновое или все-таки на кизилковое?

– Хватит болтать, – сказала я мрачно. – Рассказывай, что знаешь.

И он рассказал.

* * *

Пробравшись в Королевство из-за Ведьминой печати, он забрался в горы и сидел тихо-тихо, как муравей. Оберон, разумеется, знал, что вблизи города разгуливает некромант, но, поскольку Максимилиан вел себя примерно, Оберон не спешил его вылавливать.

Максимилиан понемногу осмелел и занялся, по его выражению, хозяйством. Разумеется, он не собирался сначала строить замок – это ему было не под силу. Теплый дом вместо сырой пещеры – вот чего он хотел, но и дома не построить было без серьезных магических усилий.

Максимилиан «занялся собой», и после долгих упражнений у него обнаружилась власть над мертвыми насекомыми. В горах, особенно летом, полным-полно было бабочек, пчел, жуков, муравьев, и все они, прожив свои короткие жизни, издыхали и поступали под начало некроманта. Правда, долго служить ему они не могли, да и толку от них было не очень много.

Некромант, которому тогда исполнилось четырнадцать, жил в пещере у подножия гор. Однажды, гуляя по берегу озера, он встретил дракона. Раньше некромант ничего подобного

не видел и здорово струхнул, но дракон был молодой, любознательный и – как потом понял Максимилиан – круглый дурак.

Он долго забивал мальчишке голову всякими загадками, ребусами и прочими каверзными вопросами, но Максимилиан – так, во всяком случае, он мне рассказывал – оказался не промах и отвечал правильно. Тогда дракон, раззадорившись, предложил сыграть в какую-то игру, Максимилиан согласился и выиграл у дракона желание.

И вот тогда он пожелал настоящий некромантский замок. Дракон долго возмущался, кипятил воду в озере и плевался кипятком, но деваться было некуда. Максимилиан нарисовал план – как умел, наспех, со множеством ниш, тайных подземных ходов и помещений для нежити, которые он собирался когда-нибудь заселить. Дракон построил все очень приблизительно, объясняя это тем, что проект Максимилиана не в ладу с законами физики.

– Он мне будет заливать про законы физики! – говорил Максимилиан, оттопырив губу и здорово напоминая мне белобрысого мальчишку, которым был когда-то. – Вот ты умеешь взглядом камни ворочать?

– Пока нет. Потом научусь.

– А он ворочал так, что только пыль летела! Мои дохлые мухи так и разлетались кто куда... А потом он выплавил ключ и вручил мне. Правда, забыл остудить, – Максимилиан потер ладони. – Вон он, этот ключ, на стенке висит.

Я повернула голову. Ключ был размером с бадминтонную ракетку, на вид очень тяжелый.

– Рассказывай дальше, – потребовала я.

И он рассказал.

Став хозяином замка, Максимилиан осмелел еще больше. Дракон не беспокоил его – все драконье семейство, обитавшее в скалах, куда-то перебралось, некромант не знал куда. Максимилиан ощутил себя хозяином этих земель и хозяином положения. В один прекрасный день он обернулся черной птицей и полетел в город – разведать, как дела.

К тому времени минуло уже почти три года после нашего триумфального возвращения из-за Ведьминой печати и после четырех свадеб, сыгранных одновременно. Принцессы вышли замуж: Розина за принца-деспота, Ортензия за принца-пленника, Алисия за принца-саламандру и Филумена за Уйму, бывшего людоеда. Ортензия с мужем уехали почти сразу: долгое заточение в замке у брата, принца-деспота, подточило здоровье пленника. Они поселились в какой-то отдаленной деревеньке и там, «на лоне природы», были вполне счастливы.

Алисия родила двойню, и детки удались в отца, принца-саламандру. Посмотреть, как они играют в разожженном камине, сбегалось чуть не все Королевство. Впечатлительные дамы падали в обморок. А дети все равно часто простужались, сам принц-саламандра мерз и чихал. В конце концов, эта семья уехала тоже – на далекие острова, в такие теплые края, где в полдень на разогретых камнях можно жарить яичницу.

Уйма отлично поладил со злокой и стервой Филуменой. Она у него ходила в дикарском национальном наряде, пела людоедские песни, танцевала возле костра и повиновалась не просто слову мужа, но каждому движению его бровей. Удивительно, но и эти зажили душа в душу.

И поскольку Уйма с Филуменой поселились у себя на островах, в городе остались только принц-деспот со своей женой Розиной. Принц-деспот обитал в удобной, хорошо обставленной тюрьме, и Оберон велел начальнику стражи не спускать с него глаз. Я хорошо понимала короля: принц-деспот меня чуть не убил. Не говоря уже о том, сколько лет он мучил в темнице родного брата!

Все это Максимилиан узнал, болтаясь по городу, подолгу зависая на базаре, гуляя в порту. Город в те дни кипел – большие корабли приходили и уходили каждый день, пылили по дорогам обозы и караваны, из окрестных деревень валом валили люди, а каждый месяц возникал новый городской квартал.

И еще: в те дни король издал указ о превращении бывшего Храма Обещания в Музей Того, что Следует Помнить. Раньше огромное здание пустовало – только время от времени там устраивались праздники для горожан. А теперь Максимилиан стал свидетелем того, как из дворца переносили гобелены, как плотники и стекольщики мастерили витрины и полки, а ваятели – модель королевского замка. Каждый житель города мог принести в музей Важную Вещь – разумеется, требовалось доказать ее настоящую важность...

Максимилиана притягивала бурная жизнь Королевства. Ему мало было кружить над городом птицей, не хватало места за столиком таверны; пусть он узнал все об этом городе – ему хотелось, чтобы город узнал его. Узнал – и содрогнулся.

Он отправился на местное кладбище (а кладбище, как ни печально, росло вместе с городом) и там, поздней ночью, решил попрактиковаться в некромантии. В рассказе Максимилиана все выглядело вполне зловеще: он огляделся, приноровился, решил, кто из покойников может быть наиболее полезен, и взялся за свое черное дело. Которое, впрочем, так и не довел до конца, потому что появился Оберон.

В этом месте своего рассказа Максимилиан сделал паузу, как бы для того, чтобы хлебнуть компота. Но я-то видела, как у него дрожат пальцы. Он, конечно, не рассказал всего, но, зная Максимилиана, я примерно представляла, что там случилось.

Максимилиан до ужаса боялся покойников. И стыдился этого страха. Будучи пятнадцати лет от роду, он напился пьяным (в его рассказе упоминалась какая-то таверна, куда некромант заглянул перед операцией на кладбище). И так, залив глаза, явился колдовать на могилу. Уж не знаю, получилось у него что-то и могло ли получиться вообще, но Оберон успел, как всегда, вовремя.

– Мы славно поговорили, – сказал Максимилиан, ставя на стол кружку из-под компота. – Он меня... убедил, что в этом Королевстве – он главный... Я и раньше это подозревал, – некромант печально улыбнулся. – Он, вообще, такой... Ты права, он великий король.

Мы замолчали. Сидя в замке, выстроенном драконом, над остатками ужина, приготовленного пауками, мы оба думали об Обероне. О том, как много он для нас значит – для нас обоих, оказывается. И о том, что его больше нет.

– Что было дальше? – спросила я наконец.

– Дальше много всего случилось. Я-то после встречи с Обероном сидел у себя в замке... отдыхал, – Максимилиан вздохнул. – Наладил себе шпионскую сеть... из летучих мышей в основном, они, правда, бестолковые, но кое-какие новости до меня доходили. Оберон уехал в гости к принцу-саламандре и его семье. А начальник стражи прохлопал ушами принца-деспота, и тот сбежал из тюрьмы. Хватились, стали ловить, искать. Гарольд даже меня к ответу потребовал. Я ему объяснил, что я тут ни при чем. Воля Гарольда – он бы придрался, очень ему не нравится, что я некромант. Но, видно, Оберон ему не велел меня трогать... А потом...

Максимилиан плотнее сплел руки на груди. Насупился. Огненные шары отражались в его черных глазах.

– Я сам до конца не понял, как это случилось. Я ведь сидел в замке, выращивал семечки правды, практиковался в магии... понемногу. А потом прилетаю в город и вижу – все изменилось. Все. Ходят слухи о Саранче, которая разоряет далекие земли, но вроде бы все ближе. И никто не помнит Оберона – как будто его не существовало.

– И ты...

– Я поначалу решил подождать. Мало ли, может быть, Оберон сам все это и устроил.

– Очень мудро, – в голосе моем звучала желчь.

– Ты полагаешь, я должен был ходить, как городской сумасшедший, по улицам и кричать во все горло: «Вспомните Оберона! Вспомните вашего короля!»?

– Дальше.

– Чем ближе подходила Саранча, тем страшнее делались слухи. Гарольд посылал разведчиков, они не возвращались. Гарольд вспомнил наконец, что он маг, отправился на разведку сам и, вернувшись, призвал на защиту города всех, способных держать оружие... Но разные люди, которым удалось увидеть войско Саранчи хотя бы издали, сходятся в одном: одолеть его невозможно.

– Гарольд тоже так думал, – сказала я осторожно. – Но людоеды Уймы... Пополнение, которое привел принц-деспот... Ополченцы...

– ...по-твоему, что-то изменят?

– Не знаю, – призналась я. – Замок все-таки укреплен... Пусть в чистом поле Саранчу никто не побивал – стен на ее пути пока не встречалось?

– Ты доела? – деловито спросил Максимилиан.

– Да, – я посмотрела на пустую тарелку, перемазанную вареньем. – А что?

– Ты должна увидеть эту Саранчу. Они идут ночами, днем отдыхают... Сейчас они снялись с места. Первый переход из тех трех, что им остались до города.

Я повернула свой посох наверху на запад.

Оттуда напирала, как горячий ветер, не опасность даже – смерть.

Глава 5

Саранча

Черная птица неслась, почти не шевеля крыльями, и по ее перьям скатывались синеватые искры.

Я научилась не отставать. Ветер драл лицо, будто наждаком, слезились глаза. Я летела, вытянувшись в струнку, прижав посох к груди, чувствуя, как молниеносно сменяются пласты теплого и холодного воздуха. Мы пролетели над широким лугом, над полоской степи, где белели камни и лошадиные черепа, потом начались пески. Я смотрела ночным зрением, и хорошо, что луна окончательно утонула в облаках. В полной темноте мне открывались застывшие гребни песчаных холмов, серые, коричневые, как на очень четкой старинной фотографии.

– Далеко... еще?

Могла бы и не спрашивать. Ветер свистел в ушах, унося назад мои слова и слезы, сорвавшиеся с ресниц. А Максимилиан в облике черной птицы не умел разговаривать. Надо и мне научиться оборачиваться чем-то летающим... Хоть драконом... Хоть соколом...

В свист ветра вплеся теперь другой звук. Я повертела головой, пытаюсь понять, что это. Сбросила скорость, позволяя Максимилиану унести вперед... Хоть бы не потерять его в этом черном небе.

Звук... будто глухой рокот. Я с разгону приземлилась в дюну – с виду мягкая, она оказалась тверже дерева. И очень холодная.

И она дрожала.

Вся земля содрогалась. Гребни дюн медленно оплывали, хотя здесь, внизу, царило полное безветрие. А земля дрожала, издавая тот самый глухой звук: уммм... уммм...

Я снова поднялась в воздух, на лету стряхивая песчинки. Мой посох будто прирос к ладоням. Впереди, на горизонте, струился воздух. Я посмотрела обычным зрением; это было зарево!

Вернулся Максимилиан, принялся кружить надо мной, призывно каркая, требуя, чтобы я летела вперед. Будь я одна – наверное, вернулась бы. Но оказаться трусихой в глазах Максимилиана не соглашусь никогда в жизни.

Мы снова полетели. Снова засвистел ветер. Мое лицо горело, я чувствовала, как скатываются капли по спине, как прилипает к коже рубашка. Ну, маг дороги, держись, и не такое в жизни видывали...

Нет. Такого – не видывали.

Зарево становилось все ярче. Скоро я различила отдельные огни... они шагали. Это были факелы, светильники, каждый величиной с огромный костер.

Земля дрожала, этот грохот поглощал теперь все звуки. Можно было говорить, кричать – внизу все равно бы не услышали. Огни тянулись во все стороны – направо, налево, вперед, сколько хватало глаз. Вся пустыня светилась, рокотала и шла – медленно, шаг за шагом, повиная неторопливому ритму, неуклонно, неудержимо.

Я поняла, что сейчас упаду. Огни были уже прямо подо мной; меня будто тянули за щиколотку вниз, желая сдернуть с неба. Резко закружилась голова, огни бросились навстречу. Я вцепилась в посох, силой воли замедлила падение – балансируя, будто на проволоке, будто снова разучившись летать.

Я зависла на высоте, наверное, пятого этажа. Подо мной шли, грохоча пластинами, панцирные твари, похожие одновременно на быков и огромных гусениц. Сверху я не видела, сколько у них ног; спины их, высокие костяные горбы, покачивались, в седлах восседали всадники, одинаковые, будто размноженные на ксероксе. У них не было шеи: круглые, чуть при-

плюснутые головы вырастали прямо из широких плеч, и за спиной у каждого было оружие. Их факелы были похожи на шагающие костры. В свете пламени блестели иззубренные лезвия, острия, пики, волнистые клинки, трехгранные иглы. Я поняла, что сейчас упаду сверху прямо на голову какому-нибудь варвару, и в этот момент меня заметили.

Ритм похода не сбился ни на секунду. Вместо макушек я увидела запрокинутые к небу плоские лица. В грохот шагов вплеся радостный вопль, сорвались с плеч арбалеты, в меня нацелились одновременно десятки стрел; не успев опомниться, я рванула вверх – свечкой.

Они успели выстрелить – в то место, где я висела мгновение назад. Я рвалась, как пробка со дна, вверх, вверх, и море огней подо мной становилось все более тусклым. Костры факелов превратились в огоньки, потом в искорки. Пустыня подо мной светилась от края до края – только на востоке, куда двигалась Саранча, было еще темно...

Я закашлялась, оказавшись в липком тумане. Оказалось, это облако; удирая от стрел, я забралась слишком высоко. Уши мои сразу же превратились в ледышки, в голове шумело, не хватало воздуха. Осталось только потерять сознание – и убить нескольких варваров своим свалившимся с неба окоченевшим телом...

Мне сделалось стыдно. Стыд сменился злостью, а злость наконец-то победила страх. Опрокинувшись в воздухе, я стала снижаться; вы хотели войны? Вы ее получите!

Снова нарастал рокот. Искорки становились огнями, огни росли и росли, пламя факелов рвалось в небо. Тяжело ступали многоноги, покачивались в седлах всадники. Мне навстречу повернулись сотни плоских лиц – они меня ждали!

Клубок огня зародился у меня в животе, поднялся в грудь, по левой руке, как по каналу, перелился в посох. Навстречу взвилась сотня стрел; я ударила в ответ потоком трескучего, злого пламени. Криков не было слышно, все поглощал рокот, но там, внизу, случилось замешательство – несколько всадников вывалились из седел. Я ударила еще раз, метнулась в сторону, уворачиваясь от стрел, и снова ударила. Какой-то многоног встал на дыбы и оказался ростом с трехэтажный дом – я увидела, как месит воздух его тяжелые, с круглыми копытами ноги...

Но Саранча продвигалась, не останавливаясь и не сбиваясь с ритма. Над упавшими сомкнулись головы, плечи, бронированные пластины. Многоноги шли бок о бок, один за другим, никого не волновала судьба сбитых и раненых – их подмяли, растоптали и продолжали идти. Саранча ступала по упавшим товарищам, не испытывая ни страха, ни сожаления, текла, как бронированное стадо, как армия роботов. Я почувствовала себя комаром, бьющимся в лобовое стекло машины...

Уходя от стрел, я поднялась повыше, развернулась и полетела на восток.

* * *

Я долго летела над темными песками, пока не стих рокот шагающей Саранчи: уммм... груммм... Одежда моя вымокла не то от пота, не то от росы, пальцы онемели. От усталости я не могла больше держаться в воздухе, земля начала притягивать меня, противиться полету. Я опускалась все ниже, пока не зачерпнула кроссовками песок и не шлепнулась на верхушку дюны.

Пустыня молчала. Далеко на западе продолжалось шествие Саранчи. Я теперь отлично понимала Гарольда: он готовится встать на пути этого равнодушного, совершенно безжалостного потока. Гарольд наверняка знал, что не удержит замок и город, что непременно умрет – и все-таки шел, и вел за собой людей.

Вернуться бы сейчас в город, войти в замок... Взять маленького Елена – не зря Гарольд назвал сына в мою честь. Увести его в наш мир – подальше от Саранчи...

Не только у Гарольда дети. Я представила, как возвращаюсь домой, увешанная ребятами... А потом они вырастут, и я буду объяснять им – мол, я, маг дороги, оставила ваших

родителей накануне последней битвы, потому что все равно они были обречены, и нет никакой разницы, сражалась я рядом с ними или нет.

А может быть, и Гарольд пусть уходит? Тогда время в Королевстве замрет, и Саранча никогда не уничтожит замок, построенный Обероном...

Где сейчас Оберон?

Над головой каркнула птица. Через секунду на песок рядом свалился Максимилиан – его рубашка выбилась из черных вельветовых штанов. Приземлившись, он аккуратно заправил ее на место.

– Разведчик из тебя... своеобразный, Лена. Ты специально их дразнила, что ли?

– Извини, – пробормотала я сквозь зубы. – Я думала...

– Ты думала, пару раз грохнешь молнией из посоха – и они разбегутся?

– Они первые напали...

– Иногда мне кажется, что ты думаешь не головой, а навершием посоха, – Максимилиан усмехнулся. – Ну, чего ты? Тихо, тихо, я пошутил...

Я отодвинулась. Он был прав; в пустыне царил тишина, будто в склепе, и только земля чуть подрагивала. Или мне казалось?

– Максимилиан, что, если остановить в Королевстве время?

– Навсегда? – Он соображал очень быстро. – Кому-то из магов перейти к вам?

– Ну... тебе-то все равно где жить!

Я перевела дыхание. На самом деле мне вовсе не хотелось, чтобы Максимилиан оставался в нашем мире навсегда. Лучше бы он нашел себе какое-то другое место для обитания.

– Мне-то, допустим, не все равно... Ну ладно: я навсегда перейду к вам. Все здесь перестанет двигаться, расти, жить... Зависнет, замрет...

– Это лучше, чем верная гибель, – сказала я не очень уверенно.

– Не получится, Лена.

– Почему?

– А почему Стелла живет у вас, а время здесь не остановилось?

– Она перестала быть частью Королевства...

– Вот и думай.

У него был вид учителя, изрядно утомленного тупостью ученицы. Я почувствовала, как краснеют уши; конечно же. Маг, сбежавший накануне испытаний, недолго останется частью Королевства. Когда некромант окончательно приживется в нашем мире – время здесь потечет опять, и орды Саранчи двинутся к городу...

– Ладно, Максимилиан. Я все поняла. – Язык во рту казался чужим и жестким, как плохая конфета. – Похоже, у меня нет выхода... Я встану с ними на стене. Вместе с Гарольдом. Какое-то время продержимся.

– Идиотка, – сказал он удивленно.

– Что?

– Ничего, это я о своем, – он ухмыльнулся. – Это к тебе не относится.

– Не относится?!

Он примиряюще поднял руку:

– Извини. При виде благонамеренных дураков я забываю о хороших манерах, это правда. Я направила посох некроманту в грудь.

– Тихо, тихо, я ведь извинился! – Он опять ухмылялся, очень довольный. Было бы чему радоваться.

Песок хрустел у меня на зубах. Поднимался слабый ветер, по дюнам ползли, извиваясь, змейки летучих песчинок. Кажется, приближался рассвет; я только теперь поняла, до чего устала. Не то что взлететь – на ноги встать не смогу.

– Ты хочешь героически погибнуть – или всех спасти? – деловито осведомился Максимилиан.

– Разумеется, погибнуть, – я отвернулась.

Максимилиан зачерпнул в горсть песок. Поднял руку; песок полился из его кулака тоненькой струйкой.

– Мы с тобой выяснили, что Оберон стал жертвой злого, по-настоящему большого колдовства. Его все забыли...

Я не удержалась:

– Он привел нас сюда. Он построил город и замок. Как они могли?!

Максимилиан снова зачерпнул песок:

– Если они виноваты – возмездие не за горами.

Я против воли оглянулась. Посмотрела на запад, откуда неуклонно надвигалось войско Саранчи.

– Меня другое интересует, – продолжал Максимилиан. – Почему мы с тобой его не забыли?

Я подняла голову:

– Что?

– Когда я шел между мирами, – ровно сказал Максимилиан, – меня интересовало одно. Помнишь ли ты Оберона.

– Я его не забуду *никогда*.

После этого мы долго молчали. Максимилиан сидел, скрестив ноги, песок вытекал из его кулака, снова становился частью дюны. Наконец разошлись облака, показывая кусочек луны.

– Послушай, Макс. Ты ведь не просто так меня привел. У тебя есть план, да? Ты знаешь, как вернуть Оберона? И без меня не можешь справиться?

Он посмотрел искоса:

– Ты вышивать умеешь?

– Чего?!

– Вышивать. Крестиком. Или гладью.

Когда-то давно, в третьем классе, я в самом деле немного вышивала. Мама покупала мне кусочки ткани с уже нанесенным рисунком – надо было только понаставить крестиков цветными нитками мулине...

– При чем тут вышивка?

– При том, что у мира, как и рукоделья, есть лицевая сторона и есть изнанка. Все это чувствуют, но немногие знают. И уж совсем немногие могут туда пробиться.

– На изнанку мира?!

Я представила свое детское вышивание со свисающими нитками, с неаккуратными узелками, с петлями. Неужели на изнанке мира творится подобное безобразие?

– Оберон тебе ничего не рассказывал об изнанке? – спросил Максимилиан, наблюдая за моим лицом.

Оберон мне много чего не рассказывал, подумала я грустно.

Ветер усиливался. Я могла уже не смотреть ночным зрением: впереди над песками поднималось зарево, звезды гасли. Еле слышно содрогалась земля – грумм, грумм.

– Насколько мне известно, ты не из трусливых, – сказал Максимилиан задумчиво.

Я сжала посох:

– Ну?

– Пошли, – он поднялся. – Надо добраться до замка раньше, чем начнется жара.

Я попыталась встать – и снова села на холодный песок:

– Не могу. Погоди.

– Довоевалась? – спросил он едко. – Напарилась в небесной высоте?

На его месте Оберон – или хотя бы Гарольд – протянули бы руку у меня над головой и поделились собственными силами. Максимилиан делал вид, что понятия не имеет о таком простом заклинании «Оживи!». А может быть, и в самом деле не знал; так или иначе, просить у него помощи я не собиралась.

Я мысленно прикинула расстояние до замка – над песками, над скалами, над озером. Сжала кулаки, чувствуя, как струятся песчинки между пальцами. Нет, не долететь. Через час начнется жара, а мы не взяли с собой даже фляги...

– Так и будем сидеть? – Максимилиан широко зевнул. – Я тоже спать хочу... Но не дрыхнуть же посреди пустыни, под солнцем, под носом у Саранчи?

– Нет, – я лихорадочно соображала. – Вот что... Давай перейдем ко мне. В мой мир. Здесь время остановится... А мы отдохнем, выспимся... и ты мне расскажешь подробнее про изнанку мира.

* * *

– Мама, это Макси... Максим. Ему негде ночевать, можно, он переночует у нас одну ночь?

Я проговорила все это, глядя в пол. Мама будет не просто удивлена – она будет шокирована; только усталость заставила меня пойти на поводу у Максимилиана и явиться домой с незнакомым парнем под ручку.

Первые несколько секунд все шло, как я предполагала: мама глубоко вздохнула, посмотрела на меня, на Максимилиана... и вдруг замерла. Я обернулась; за моей спиной стоял парень лет пятнадцати, худющий, лопоухий, в тонких очках, очень смущенный. Он попятился, будто испугавшись, и скороговоркой пробормотал:

– Нет, извините, Лен, не надо, я же говорил... Я лучше на вокзале...

У мамы расслабилось лицо. Неожиданно для меня она вдруг улыбнулась:

– Ну, почему же нет? Бывают в жизни всякие случаи... Правда, у нас тесно, но можно поставить раскладушку на кухне, будет удобно...

Братья, Петька и Димка, глазели на Максимилиана, разинув рты. Я прошла в комнату, стянула с себя одежду и рухнула на кровать; все провалилось в яму, стоило мне закрыть глаза. А когда я их открыла, за окном высоко стояло солнце, и несколько секунд я была абсолютно уверена: это сон, странный, страшный, дурацкий...

Потом я резко села на кровати.

На кухне разговаривали. Я узнала голос Максимилиана – негромкий, очень мягкий, он журчал, как ручеек. Что-то говорила мама, ласково смеялась. Потом она сказала: «Петя, давай чашку», – значит, Петька и Димка тоже на кухне... Но их, против обыкновения, не слышно.

Я протерла глаза. Конец августа, солнце за окном, скоро в школу...

Это не сон. Оберона забыли в Королевстве.

Из зеркала в ванной на меня глянуло бледное, растрепанное чудище. Я убила пару минут на то, чтобы привести себя в порядок. Постояла, прислушиваясь к голосам; Максимилиан заливал так, что любой соловей утопился бы от зависти. Мама у него главный бухгалтер на какой-то там фирме, отец – компьютерный дизайнер, и вот сейчас они оба в Крыму, а он вернулся из Англии, где был по обмену, там белки с черными хвостами, вороны, полисмены, он потерял ключи на вокзале, придется ехать в Крым к родителям...

Не могу сказать, что он врал уже совсем неправдоподобно. Я заглянула на кухню; Максимилиан, в черной футболке и джинсах, восседал на лучшем месте за столом – месте отчима, спиной к двери. Мама, Петька и Димка смотрели на него как зачарованные – я видела их горящие глаза и раздумывавшиеся щеки. Им будто показывали любимое кино – до того они выглядели увлеченными и довольными.

Мне стало неприятно. В моем мире, у меня дома некромант морочил головы моим родным – и морочил блестяще.

– Максим!

Он обернулся: улыбка от уха до уха, ямочки на щеках, на носу все те же тоненькие очки.

– Доброе утро, Лена!

– Доброе утро, – благодушно подхватила мама. – Ты уже умылась? Садись завтракать, остывает курица...

Максимилиан смотрел на меня, по-прежнему улыбаясь. Вчера я, наверное, лишилась рассудка от усталости: как можно было привести в родной дом некроманта?!

– Нам с Максимом надо идти, – сказала я деревянным голосом.

– Куда это? Ты еще не ела! Петя, Дима, подвиньтесь, пусть Лена сядет... А Максим пусть погостит еще, дождется родителей из Крыма...

Я запихивала в себя горячие ломти тушенной с картошкой курицы и слушала, как Максимилиан втирается в доверие к моим родным. Впрочем, в доверие он втерся еще вчера, а теперь обманным путем пробирался маме в душу. Непостижимым образом он чуял, какие слова ей приятно будет услышать, и раз за разом попадал в яблочко:

– Очень люблю читать. Не понимаю этих геймеров – все бы сидеть носом в экран... Спина колесом, сколиоз вырабатывается...

– Совершенно верно, – мама смотрела на него, будто он был ее любимым старшим сыном. – В наши времена...

Я запила картошку крепким горячим чаем. Мельком глянула на часы на стене: уже почти десять. Долго же я валялась в постели.

– Вот это была жизнь, – некромант вздохнул. – Не было этой очумелой беготни, как белка в колесе: работать на трех работах, чтобы как-то тянуть семью, а на жизнь уже и времени не остается...

Я разинула рот: Максимилиан повторял собственные мамины слова, которые она, бывало, в плохом настроении говорила соседкам. Мама не насторожилась – наоборот, закивала с готовностью.

– А этот гламур, – продолжал Максимилиан, глядя маме в глаза. – Эта пошлость... Невозможно стало включить телевизор...

– Нам пора, – я встала, чуть не опрокинув табуретку. – Максим, пошли.

– Лена, что за командный голос? – Мама нахмурилась. Петька и Димка исподтишка перебрасывались куриными костями за ее спиной.

Я выразительно посмотрела на Максимилиана.

– Извините, Евгения Павловна, – Максимилиан поднялся. – Мне надо сегодня сдать книгу в библиотеку. Прямо сейчас.

* * *

– Никогда не смей так делать.

– Как?

– Не смей колдовать у меня в доме! Не смей издеваться над моими родными!

– Издеваться? Колдовать?! Лена, такому колдовству обучен любой разумный младенец...

– Ты понял, о чем я говорю, – сказала я, как отрезала. – И хватит!

В пустыне светало. На песке виднелись, не занесенные ветром, наши вчерашние следы; впрочем, какие они вчерашние, ведь здесь, в пустыне у границ Королевства, время не сдвинулось ни на секунду.

Саранча еще заканчивает ночной переход. Но скоро уже остановится, чтобы разбить лагерь – днем варвары отдыхают, укрывшись от солнца в шатрах и палатках.

– Хватит так хватит, – пробормотал Максимилиан, обернулся черной птицей и взмыл в небо.

Я взлетела за ним, тяжело, но уверенно. Лететь навстречу рассвету – приятно; из-за горизонта показался край солнца, я прищурилась. Ветром меня подбрасывало, как лодку на волнах, впереди показалась зубчатая кромка гор, пески внизу сменились лугами, потом перелесками...

Какое оно красивое, мое Королевство. Какие синие горы, какие желтые и синие луга. Как живописно бегут ручьи по камням, будто нарисованные. Какими яркими белыми лентами тянется прибой вдоль морского берега... И какая страшная опасность надо всем этим нависла.

Замок некроманта щетинился башнями. Я приземлилась на самую высокую – как божья коровка на кончик черного пальца. Перевела дыхание.

Горело под солнцем озеро. Вода у берега волновалась. Присмотревшись, я различила колоссальное белое брюхо, то всплывавшее, то снова уходившее в глубину.

– Что там?

– Рыба-зомби, – Максимилиан на лету превратился из птицы в человека, шлепнул подошвами кроссовок о каменный зубец. – Страж озерных ворот.

– Почему вверх брюхом?

– Потому что дохлая!

– Где ты взял эту гадость?

– Где взял, там больше нет!

Вниз с башни вела узкая лестница. Из стен справа и слева торчали стальные штыри.

– Это зачем?

– Тут у меня будут живые мертвецы прикованы.

– Как тогда развернуться на такой узкой лестнице? Как в автобусе в час пик?

– Прикованные мертвецы нужны не для удобства, а для того, чтобы останавливать врагов. И устрашать вассалов.

– У тебя есть вассалы?

– У меня и мертвецов пока что нет, – миролюбиво согласился Максимилиан. – И хватит меня упрекать, ты ведь знаешь, кто я такой, и все равно со мной водишься!

А что мне остается делать, подумала я грустно, но вслух ничего не сказала.

Глава 6

Оборванные нити

Мы спустились в пиршественный зал. Стояло солнечное утро; огненные шары погасли. Свет пробивался из витражных окон, узких, будто цветные ленточки. На мозаичном полу, приглядевшись, можно было различить орнамент из черепов и костей.

– Завтракать будем?

– Ты у моей мамы полхолодильника сожрал! А теперь нет ни минуты лишней!

– Хорошо. – Максимилиан уселся на трон с высокой черной спинкой, закинул ногу на подлокотник. – Первое: изнанка – не другой мир. Это часть нашего мира. А значит, когда мы уйдем на изнанку, здесь время не остановится. Саранча все так же будет топтать и к послезавтрашнему утру встанет у замка.

– Ясно, – пробормотала я сквозь зубы.

– Второе: на изнанке можно отыскать потерянные нити. Забытые, спутанные. Если где-то можно найти следы Оберона – только на изнанке.

– Ясно, – отозвалась я куда с большим энтузиазмом.

– Третье: долго оставаться на изнанке нельзя. Портит характер.

– Да ну? – Я не сдержала нервный смешок. – А если у кого уже испорчен?

– Тот сам себе злобный домовой, – отозвался Максимилиан без улыбки. – Если долго пробыть на изнанке жизни, все на свете начинает казаться отвратительным, мерзким... Кругом мерещатся враги. В конце концов человек захлебывается в собственной желчи.

– Весело, – сказала я, никакого веселья не чувствуя.

– Поэтому мы будем входить на изнанку и возвращаться обратно так быстро, как только сможем.

– Согласна.

Максимилиан покачал ногой в черной кроссовке:

– Для того чтобы пройти на изнанку и вернуться, нужны двое. Два мага.

Я кивнула. Разумеется: если бы Максимилиан мог обойтись без меня – обошелся бы.

– Ты готова?

– Хотя сейчас, – сказала я так громко и уверенно, как только смогла.

Он серьезно глянул мне прямо в глаза. Взгляд у него был сумрачный – мурашки по коже.

* * *

Через полчаса мы приземлились на широком пыльном подоконнике кабинета Оберона. Я бы не нашла его среди многих окон замка – но Максимилиан, кажется, бывал здесь не раз. Он птицей впорхнул внутрь; я сперва повисла на руках, посмотрела вниз на ров с острыми колями, потом, ругаясь, залезла в окно.

В комнате было по-прежнему пусто. Темнела крысиная дыра в полу. Штора, прикрывавшая книжный шкаф, белела размытыми пятнами – известка?

– Начнем отсюда. – Максимилиан хищно огляделся. – Поднимись на скамейку.

– Зачем?

– Чтобы мы были одного роста, – терпеливо объяснил Максимилиан. – Вот так.

Прежде чем забраться на скамейку, я отвернула край клетчатой кожи, чтобы не запачкать. Мне не хотелось ничего портить в кабинете Оберона – даже теперь, когда кабинет разорен, а король пропал. Встав кроссовками на светлое дерево, мысленно попросив у Оберона прощения, я обернулась к некроманту.

Покидая свой замок, он переоделся. Теперь на нем были кожаная куртка, короткие штаны, мягкие сапоги выше колен – все аспидно-черное. Тонкий плащ крепился у горла черной эмалевой застежкой.

– В черном-пречерном лесу... – пробормотала я с нервным смешком. – На черной-черной поляне...

– Что?

– Ничего...

– Боишься?

– Кто, я?!

– Ну вот и ладненько.

Он стоял передо мной, и теперь мы действительно были одного роста. Максимилиан поднял руки ладонями вперед – будто собираясь поиграть со мной в «ладушки». Я повторила его жест, и наши ладони встретились. Я невольно вздрогнула: у некроманта были очень холодные руки.

– Когда почувствуешь, что пора, просто шагни вперед, – пробормотал Максимилиан. – Все имеет изнанку, Лена. Все имеет изнаночную сторону...

Его белое лицо заколебалось, будто отражение в воде, будто марево над костром. У меня зашумело в ушах; кожа Максимилиана становилась темнее, глаза светлее, волосы из белых сделались темно-русыми...

Я узнала себя. Это я стояла передо мной, и мои руки касались моих ладоней...

Я шагнула вперед – и свалилась со скамейки.

* * *

Мы оказались стоящими посреди той же комнаты – кабинета Оберона. Той самой, но здорово изменившейся; пол был затянут густым ковром из переплетающихся цветных корешков, нитей, петелек, а поверх него накрыт слоем тумана, зыбкого, неровного. Сгустки его чередовались с почти прозрачными «окнами».

Я посмотрела на Максимилиана. Вопреки моим страхам, некромант остался прежним, в меня не превратился. Надо думать, и у меня белые патлы не отросли.

– Ищем, – сказал Максимилиан. – Шкаф.

Из-под портьеры, прикрывавшей книжный шкаф, тянулись целые гроздья, жгуты ярких, мерцающих в тумане ниточек. Максимилиан сорвал ткань раньше, чем я успела крикнуть: «Осторожно!» Взвилась туча пыли, но больше неприятностей, к счастью, не случилось: открылись книги на полках, опутанные, пронизанные нитями.

– Вот они, изнаночные связи, – пробормотал некромант. – Давай разбирать.

Он принялся снимать с полок том за томом. Яркие нити тянулись за книгами, тусклые рвались, будто сгнившие тонкие корешки. Максимилиан брал в руки одну веревочку за другой, ощупывал их, пытаясь отделить от общей путаницы. Нити шевелились, как струи дыма в воздухе, как волосы утопленника под водой, тянулись за его руками и пытались ускользнуть из его рук; мне стало не по себе.

Я взялась за посох и, ощутив его в ладонях, немного осмелела. Навершие мерцало красным. Смутная опасность грозила отовсюду.

Я огляделась. По всему кабинету Оберона, вдоль стен и на потолке, тянулись нити, толстые и тонкие, целые и рваные. Казалось, тут поработал сумасшедший электрик или безумный паук. Большей частью нити были собраны в пучки и протянуты аккуратно – наверное, потому, что указы и решения, принимавшиеся в этом кабинете, были правильными и справедливыми. И только вокруг книжного шкафа царил путаница. Может быть, в этом были замешаны авторы книг? Или читатели, когда-то использовавшие их мудрость не по делу?

Три или четыре легкие нитки, будто шерстяная пряжа, обвивались вокруг моей шеи. Двигаться не мешали. Я взялась за них – от прикосновения они истончились и пропали, но стоило мне разжать руку – появились снова.

Немного освоившись в комнате, я выглянула в окно. Изнаночное Королевство казалось блеклым, сумрачным, вовсе не таким, как настоящее. Я видела людей, суетящихся на крепостной стене, и знала, что каждый из них опутан нитями и узелками, хотя разглядеть их с такого расстояния невозможно...

– Ты будешь мне помогать или нет?!

Максимилиан сгрузил с полок уже половину книг, больших и маленьких, в кожаных и матерчатых переплетах. Я не сразу заставила себя взяться за светящиеся нити; на ощупь они оказались очень разные – шершавые и заскорузлые, скользкие, как шелк, пульсирующие, как трубочки с горячей водой; иные расплзались в руках, как гнилые травинки. Это были причины, следствия, обрывки когда-то прочных связей. Две книги, одинаково большие и толстые, оказались прочно пришиты друг к другу – автор одной был учеником автора другой, оба жили в незапамятные времена...

Подсвечивая себе наверху посоха, я заглянула в самую глубь шкафа. Туда, как в темную пещеру, уходили нити; я нащупала странный томик. Черный кожаный переплет местами будто истаял, из-под него проглядывал то картонный, совсем простой, то медный с прозеленью, то желтый из непонятного материала. Вся книга казалась слепленной из фрагментов и лоскутков, и непонятно, как все это держалось вместе.

– Книга-оборотень, – сказал Максимилиан. – Испорченная.

Он бесцеремонно выхватил мою добычу. Лопнули две-три старые нитки, другие потянулись за книжкой, будто лазерные лучи, – откуда-то с потолка, с пола, от двери...

– Ого, – сказал Максимилиан.

Он плюнул на палец и потерял обложку. Черный кожаный переплет на миг сделался серым и снова вернул себе прежний цвет, картонные «заплатки» потемнели. Проступило название – «Чердак Мира», частью тисненное золотом, частью отпечатанное типографской краской на картоне. Совсем недавнее воспоминание проскользнуло, будто солнечный зайчик, по дну памяти – и пропало раньше, чем я успела его ухватить.

– Здесь свежие нити, – пробормотал Максимилиан. – Молодец, Ленка.

И он принялся пролистывать страницы, то желтые, то белые, украшенные старинными гравюрами и аляповатыми детскими иллюстрациями. Эта книга напоминала модницу, нацепившую одновременно бальное платье, лыжную шапочку, звериную шкуру, бикини и рясу. От каждой страницы тянулись нити, и они путались, свивались в клубок, рвались, но одна нитка выделялась среди всех. Она прошивала книгу, она держала на себе весь спутанный клубок других нитей, и даже на ощупь была тугой, как струна. Максимилиан ловко выделил ее, ухватился и, скользя по нити пальцами, проследил до самой двери. Там нитка уходила вниз, в полный узелков «ковер», и пропадала в тумане.

– Начало есть, – пробормотал Максимилиан. – Давай распутывать дальше.

* * *

Выбравшись на лицевую сторону мира, мы несколько минут сидели на подоконнике, глядя на солнце и ничего не делая. Все-таки приятно осознавать, что настоящий мир, не изнаночный, такой яркий и светлый.

– Ты раньше бывал на изнанке?

– Нет, – нехотя признался Максимилиан. – Чтобы туда войти, надо в ком-то отражаться.

– И чтобы выбраться?

– Обязательно.

– А можно выйти на изнанку – и не суметь вернуться?

Максимилиан помолчал, глядя на крепостную стену. Там блестела сталь, время от времени начальственно взревывала труба.

– Там люди принца-деспота.

– На изнанке?

– На стене... Все можно, конечно. Можно поскользнуться на гнилой сливе и шею сломать.

– Тускло, серо и запутанно, – я поежилась. – Противненькое место для прогулок.

Максимилиан вертел в руках книгу. При солнечном свете она выглядела еще более нелепо: из нее торчали перья и неопрятные куски пакли, зато корешок теперь горделиво поблескивал золотом: «Чердак мира. 9861 год». Я вспомнила, как много нитей тянулось к этой книге на изнанке – и старых, и новых, и прямых, и запутанных.

– Это книга-оборотень, – сказал Максимилиан. – Я видел одну такую, давным-давно, у своего деда. Это был томик романтических стихов, который превращался в лекарский справочник с картинками. На месте поэмы «Томление страсти» появлялся трактат о кровавом поносе.

– Какая гадость, – сказала я.

– Ну да. Мой дед был тем еще некромантом... А эта книга давно испортилась. Не понимаю, зачем Оберон ее хранил.

– Люди хранят вещи, которые им дороги.

– Ну да, – он кисло поморщился. – «Музей Того, что Следует Помнить»... Сборище хлама.

Я неожиданно с ним согласилась. Купол Храма-Музея горел на солнце; уж сколько там хранилось ценных незабываемых вещей, и ни одна из них не помешала всем забыть Оберона.

– Все не так плохо, – я старалась не терять оптимизма. – Теперь у нас есть нитка.

– Ага, – Максимилиан поморщился еще кислее. – Будь у нас месячишко-другой в запасе, я сказал бы, что дело сделано.

Я покосилась на некроманта. Он криво улыбался.

– Тогда давай не терять времени, – предложила я.

Будто подтверждая мои слова, на стене пропела труба – на этот раз мелодично и властно.

– Пошли, – я соскочила с подоконника. – Только, прошу тебя... Пока я буду говорить с Гарольдом – не попадайся ему на глаза.

* * *

– Где тебя носит? – Гарольд не был злым. Просто смертельно усталым и, как мне показалось, равнодушным. Даже разговаривая, он не смотрел на меня – вокруг было множество предметов, занимавших его внимание.

– Я летала смотреть на Саранчу.

– Посмотрела?

– Гарольд...

– Нет времени для разговоров. Если решишь уходить к себе – я тебе слова не скажу. Если будешь биться – готовься. Мы наполняем бочки смолой, их придется поджигать на лету.

– Хорошо.

– Ты умеешь укреплять стены? Щиты?

– Мне не приходилось...

– Лечить-то ты точно умеешь. За тяжелые раны не браться, только легкие – так, чтобы воин мог сразу вернуться в строй.

– А тяжелораненные пусть погибают? – не удержалась я.

Гарольд наконец-то обратил на меня взгляд.

Мы разговаривали перед воротами замка; на восток, вдоль берега, уходил последний караван беженцев. Уезжали женщины и дети. Я узнала мать Гарольда, она подсаживала на повозку каких-то рыдающих девочек. Потом наклонилась, чтобы посадить мальчика – я узнала маленького Елену. Теперь он одет был просто, как все дети, меч при нем не было, но, когда бабушка попыталась водворить его на телегу, Елен вырвался и кинулся к отцу.

– Оставь меня! Я буду сражаться!

Канцлер, будто не слыша его, бубнил про морской путь, который, мол, легче и дешевле; седоусый и сгорбленный начальник стражи велел ему заткнуться. Высокая женщина в темном платке догнала мальчика и схватила его под мышку; я с трудом узнала жену Гарольда, которую видела всего несколько раз. Что-то втолковывая на ходу, женщина несла сына обратно к повозке; Гарольд посмотрел на них – и потом на меня. В свете полуденного солнца лицо его казалось серым.

Мы все погибнем, говорили его ввалившиеся воспаленные глаза. Но мы будем сражаться до последнего.

Я потупилась. Может быть, в глубине души Гарольд надеялся, что кто-то потом напишет об этом сражении героическую песню; он не знал того, что знала я. После поражения некому будет петь. Королевства не станет.

– Хорошо, я буду лечить, – еле слышно согласилась я.

– Постарайся вспомнить все, что знаешь и умеешь, и хорошо отдохнуть. Они будут тут послезавтра с рассветом.

– Гарольд...

– Что?

– Ты когда-нибудь видел эту книгу?

Вокруг толпились посыльные, каждый со своим срочным делом, грохотал наспех склепанными латами начальник ополченцев, расталкивал всех комендант. Караван тем временем тронулся. У Гарольда не было ни секунды, чтобы попрощаться со своей семьей, а я совала ему под нос уродливую книжонку, при свете дня совершенно невзрачную. Стоило ли удивляться, что он с раздражением оттолкнул мою руку?

– Хватит. Хватит докучать мне глупостями!

И, отстранив плечом ополченца, зашагал к каравану.

Свита побежала за ним. Я осталась стоять, опираясь на посох. Мимо проплывали повозки, рядом шли мужчины, самые храбрые пытались шутить. Я видела, как Гарольд догнал повозку, на которой ехали его родные, как обнял жену и мать. Сын бросился ему на шею, а дальше их заслонила от меня толпа.

В тени опрокинутой, лишённой колес телеги меня ждал некромант – черный на черной земле, скрючившийся по-птичьи. Не говоря ни слова, я вскарабкалась на пыльный валун. Максимилиан поднялся. Наши ладони соприкоснулись.

– Все имеет изнанку...

Я увидела, как его лицо превратилось в мое, и шагнула вперед.

На изнанке воняло. Туман стоял по пояс, в сплетении цветных волокон шли люди, и удивительно было, как у них не спутываются ноги. Нитки между уходящими и остающимися рвались с треском. Звук был негромкий, но от него хотелось зажать уши.

От книги в моей руке по-прежнему тянулась красная нить. Мы с Максимилианом уцепились за нее одновременно; нитка провела нас несколько шагов по направлению к замку и снова пропала в общем клубке, и выдернуть ее оттуда никак не получалось.

Я зацепилась ногой за какую-то петлю и упала в туман. Поднялась, отряхиваясь, пытаюсь отдышаться. Люди на изнанке были изможденные, белые, они шли, будто не замечая меня. В какой-то момент мне показалось, что они мертвые – ходячие мертвецы...

– Выходим, – сказал Максимилиан, и я была ему благодарна. Секунда – мы снова стояли под солнцем, грохотали в отдалении колеса, кричали люди, плакал ребенок...

– Лена!

Я обернулась. Принц Александр, которого все Королевство считало сыном Оберона, тоже изменился и постарел.

– Ваше высочество, – я поклонилась.

– Кто это с тобой? Некромант?!

Максимилиан криво улыбнулся:

– Доброе утро, принц.

Я торопливо встала между ними. Не хватало еще здесь выяснять отношения.

– Ваше высочество, – я смотрела принцу в глаза, – принцесса Эльвира уехала?

Принц посмотрел мне за спину. Я обернулась. Рядом с Максимилианом стояла принцесса, на ней было ярко-бирюзовое, кружевное, вызывающе праздничное платье.

– Добрый день, маг дороги. Мы видели тебя вчера, но ты не подошла поздороваться.

– Простите, – сказала я. – Дело в том...

Эльвира не изменилась. По-прежнему молодая, по-прежнему блестящая, она смотрела на меня знакомым снисходительным, чуть презрительным взглядом. Бирюзовое здорово шло к ее голубым глазам; у меня мелькнула сумасшедшая мысль: уж она-то никогда, ни при каких обстоятельствах не могла забыть Оберона! Она его когда-то предала, а он простил. Такие вещи не забываются.

На ходу пытаюсь обуздать надежду, я протянула принцессе книгу:

– Вы не знаете, что это? С ней должно быть что-то связано... Что-то важное.

– Вы нашли странное время, чтобы совершенствовать знания, – принцесса взяла книгу со снисходительной брезгливостью. – Это дохлая книга-оборотень, она умела превращаться в четыре... даже, кажется, в пять разных томов. Чаще всего она превращалась в «Чердак мира», детский учебник, по которому и меня когда-то учили. Где вы взяли эту рухлядь?

– В кабинете Оберона, – вырвалось у меня.

Некромант возвел к небу глаза. Я, не отрываясь, смотрела на Эльвиру. Она чуть нахмурилась; на короткое мгновение мне показалось, что вот сейчас, сейчас-то она вспомнит...

Эльвира сделала вид, что ничего не расслышала. Зато принц решил показать образованность:

– Оберон – это что-то из истории?

Я чуть не заплакала.

* * *

Людоеды встали лагерем в стороне от замка, в порту. Я оробела, увидев их так близко – и в таком невероятном количестве. В какой-то момент чуть не повернула назад: возможно, Максимилиан был прав. Он терпеть не мог Уйму и, по-моему, до сих пор его боялся.

Дымили костры, сложенные из порубленных заборов. В щелях мостовой торчали воткнутые в землю кривые клинки, пики, вилы. Палатки из разноцветных шкур стояли посреди дворов, людоеды осваивались в покинутых домах. Они безо всякого стеснения примеряли забытую одежду: кто повязал голову женской шелковой рубашкой, кто натянул на мощные плечи полотняный кафтан, оторвав для удобства рукава, кто расхаживал в хороших кожаных сапогах с железными подковами. Портовые улочки, площадь перед главным причалом выглядели незнакомо и дико; я шла – и чувствовала на себе нехорошие, оценивающие взгляды.

На кострах жарилось мясо. От запаха меня начало мутить. Проворачивались пики-вертела, скворчала поджаристая корочка, жир капал в огонь, и капли его сторали на лету. На меня

смотрели, прищурившись, утонувшие в бороде глазенки – много глаз, голодных, стосковавшихся по человечине.

Я повыше подняла посох. По навершию пробежала зеленовато-красная молния. Стоявшие поблизости людоеды отвернулись – чтобы тут же, за моей спиной, нервно сглотнуть слюну.

Оберон научил их, что есть человечину нехорошо. Но Оберон теперь забыт – кто или что удержит этих огромных, волосатых, хищных островитян от привычного занятия?

Шатер Уймы стоял перед главным причалом. У входа скучал, поигрывая костяной рогаткой, стражник с бородищей до пупа. Из бороды и кожаных штанов состояло все его одеяние.

– Король у себя? – спросила я, сжимая посох. – Уйма Первый Вегетарианец?

– Ты парень или девка? – Бородатый почесался.

– А тебе что за дело? – ошетибилась я.

В широкой ухмылке борода его раскрылась, как веер.

– Знать надо. Вот. Всегда надо знать.

– Уйма! – позвала я, повысив голос.

Из шатра никто не вышел. Бородатый спрятал рогатку за пояс и пошел ко мне, шевеля волосатыми пальцами:

– Знать, ага. Вот. Всегда надо.

Я направила посох ему в грудь, надежно укрытую бородой, и щелкнула тонкой молнией. Жесткие волосы задымились, людоед на секунду остановился, посмотрел на меня с удивлением – и вдруг протянул лапу, намереваясь забрать посох:

– А ну давай!

Я ударила его почти всерьез, он отлетел, отброшенный толчком, и взвыл, но не жалобно, а яростно. Тут же площадь вокруг шатра оказалась заполнена народом: людоеды стояли бок о бок, их голые плечи лоснились, и жилы вились, как змеи, по толстым рукам.

– Мясо! – ревел бородатый, отряхивая с груди паленые волосы. – Мясо!

Толпа ответила ему ворчанием в десятки глоток. Я приготовилась биться не на жизнь, а на смерть, но тут полог шатра откинулся, и наконец-то появился Уйма. Таким разъяренным я его никогда не видела.

– Жритраву! – От звука его голоса людоеды, кажется, присели. – Корососы, порву, нишкни всем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.